
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 20 МАЙ 1975
Adolf Hitler

МОСКВА. КРЕМЛЕ

«Пройдя через тяжелейшие испытания, советские люди отстояли честь и независимость Родины, отстояли завоевания Октября, дело, которое завещал нам Владимир Ильич Ленин».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Фото А. Гостева.

ЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ. 8 МАЯ 1975 ГОДА

Москва. Кремль. 8 мая 1975 года. Дворец съездов в праздничном убранстве. На торжественное собрание, посвященное 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, собрались ветераны войны и труда — Герои Советского Союза, полные кавалеры ордена Славы, Герои Социалистического Труда, приехавшие на праздник в столицу из всех союзных республик, представители трудящихся, Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В зале — зарубежные делегации, прибывшие в СССР на празднование 30-летия Победы. Здесь же — главы дипломатических представительств, аккредитованные в СССР, советские и иностранные корреспонденты.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встретили собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Вместе с ними в президиуме руководители делегаций социалистических стран и стран антигитлеровской коалиции, видные советские военачальники, ветераны войны, передовики труда.

Торжественное собрание открывает член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии В. В. Гришин.

Под звуки военного марша вносится Знамя Победы, водруженное над поверженным рейхстагом в мае 1945-го.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Участники торжественного собрания встают и встречают его бурной, продолжительной овацией.

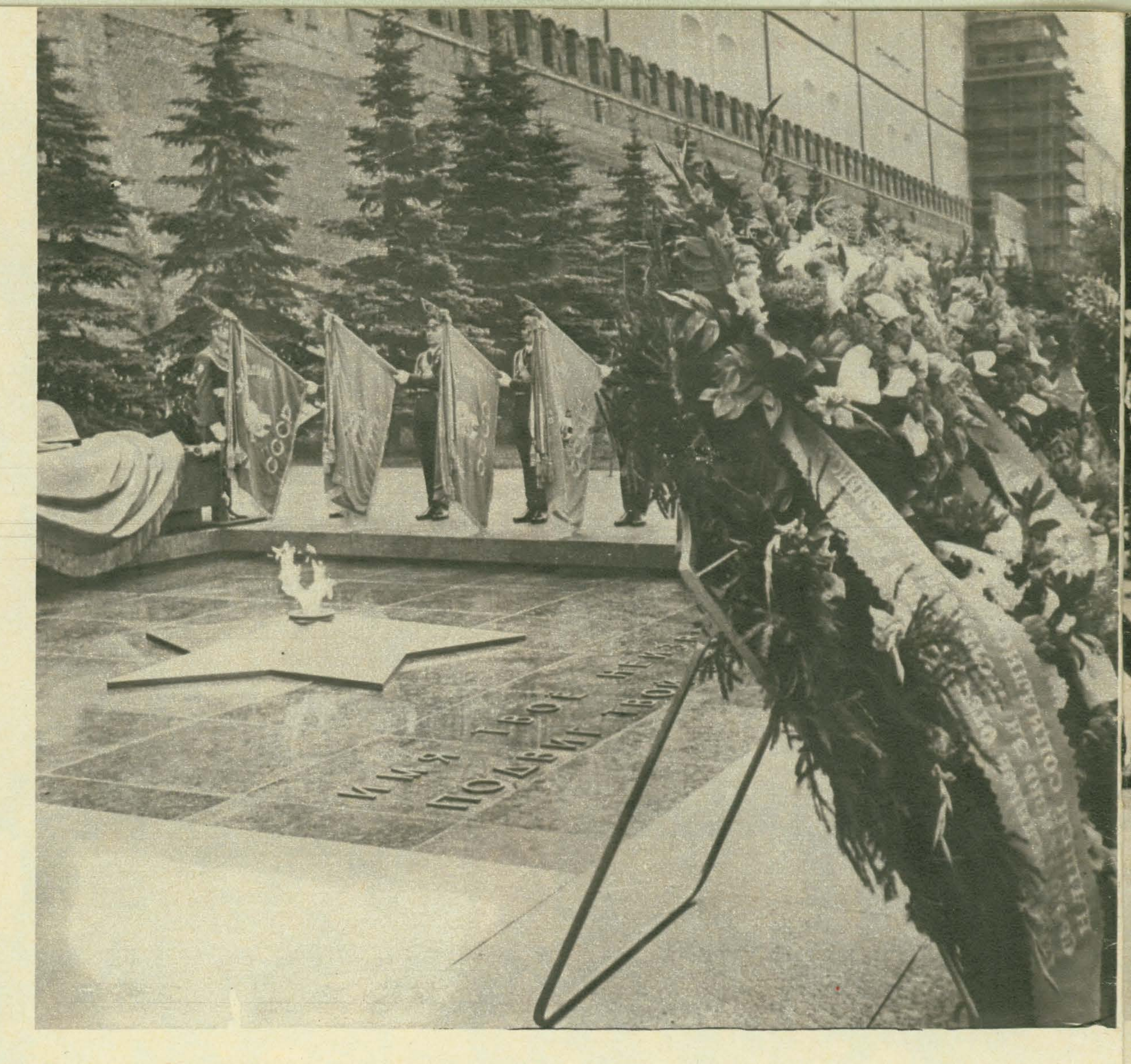
Речь товарища Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами.

На торжественном собрании выступили от имени ветеранов войны Герой Советского Союза, рабочий автозавода имени Лихачева В. С. Терещенко, один из активных участников партизанского движения, дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, бригадир зуборезчиков Уралмашзавода А. И. Храмцов. Участников торжественного собрания приветствовали представители Вооруженных Сил СССР. Приветствие от Вооруженных Сил СССР зачитал подполковник В. А. Игнатов. Затем выступили ректор Ленинградского государственного университета имени Жданова, член-корреспондент Академии наук СССР В. Б. Алесковский и дважды Герой Социалистического Труда председатель колхоза «12-й Октябрь», Костромской области, П. А. Малинина. Слово для приветствия предоставляется советской молодежи. На трибуну поднимаются молодой рабочий, колхозница, студент, учащийся ПТУ, школьница. Звучат их голоса. Зал слушает приветствие советской молодежи.

С большим подъемом участники торжественного собрания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

На следующий день руководители Коммунистической партии и Советского государства возложили венки к Мавзолею В. И. Ленина и могиле Неизвестного солдата.

На Красной площади состоялась торжественная манифестация молодежи Москвы, посвященная 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

МОСКВА. 9 МА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (2497)

17 МАЯ 1975

У могилы Неизвестного солдата.

Я 1975 ГОДА

Фото Дм. Бальтерманца
и А. Гостева.

Торжественная манифестация на Красной площади.

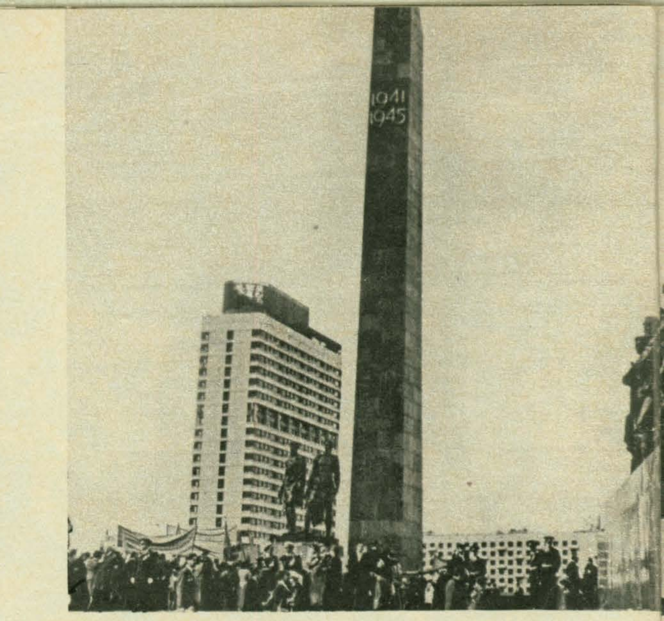

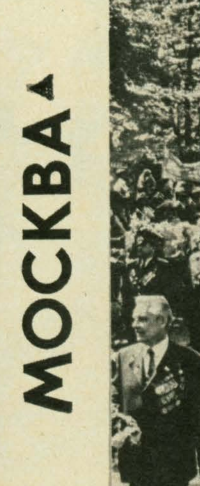
Фото А. Гостева.

ЛЕНИНГРАД ▲

9 МАЯ 1975 ГОДА

Фото Л. Папковича.

МОСКВА ▲

Фото Н. Ананьева, В. Брязгина.

На Пискаревском мемориальном кладбище возлагают венок кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов и первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Б. И. Аристов.

КИЕВ ▲

Фото Н. Козловского.

Руководители республики во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Украины В. В. Щербицким возложили цветы к подножию памятника В. И. Ленину. Были возложены венки на могилу Неизвестного солдата в парке Вечной славы и к памятнику генералу армии Н. Ф. Ватутину.

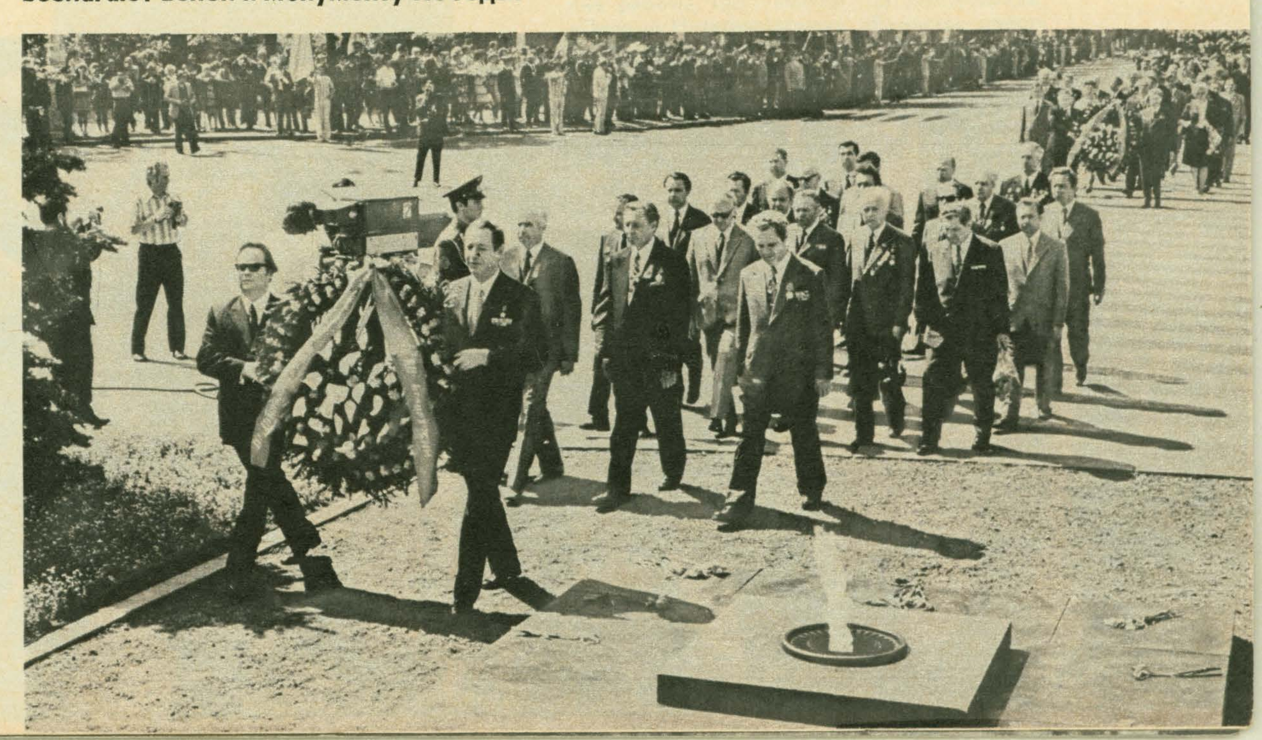
На снимке: в парке Вечной славы после возложения венков.

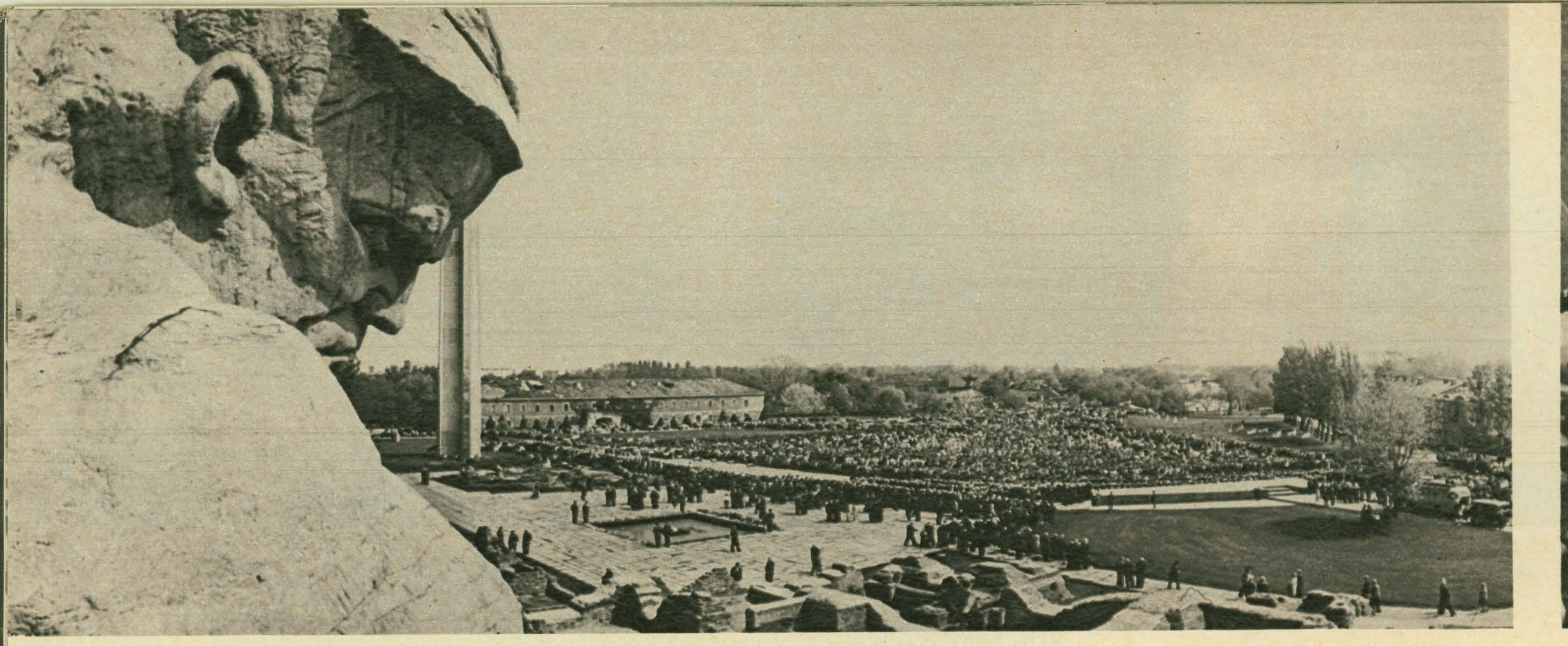

▼ МИНСК

Руководители республики во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеровым возлагают венок к монументу Победы.

9 МАЯ 1975 ГОДА

▲ БРЕСТ

ВОЛГОГРАД ▲

▼ ОДЕССА

Фото Г. Розова.

Фото А. Бочинина.

Фото А. Награльяна.

ПРИСУЖДЕНИЕ ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ ИМЕНИ КАРЛА МАРКСА

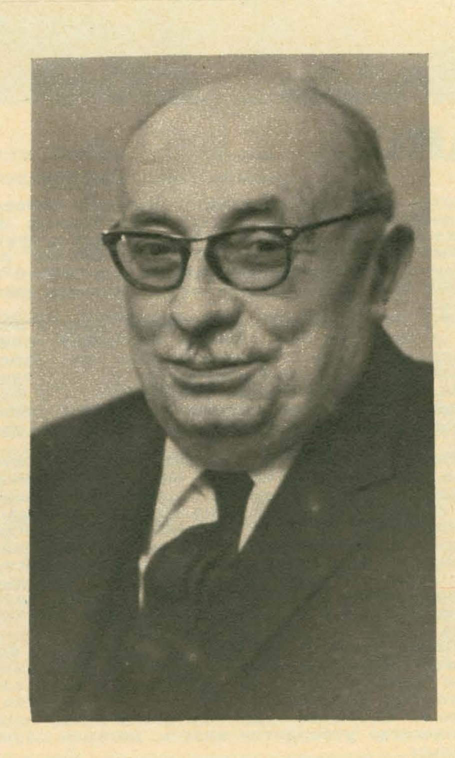
Президиум Академии наук СССР своим решением от 24 апреля 1975 года присудил Золотые медали имени Карла Маркса за 1975 год товарищу Суслову Михаилу Андреевичу и товарищу Жаку Дюкло.

Золотая медаль имени Карла Маркса является высшей наградой Академии наук СССР и присуждается за выдающиеся достижения в области общественных наук.

Тов. Суслов М. А. — член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда — внес большой вклад в разработку актуальных проблем международного коммунистического движения, мирового революционного развития, вопросов коммунистического строительства в СССР, теории и истории КПСС. Вопросам марксистско-ленинской теории посвящены его труды: «Карл Маркс — гениальный учитель и вождь рабочего класса», «Ленинизм и революционное преобразование мира», «Общественные науки — боевое оружие партии в строительстве коммунизма», «КПСС — партия творческого марксизма» и многие другие. Основные работы тов. Суслова М. А. по проблемам мирового революционного движения опубликованы в книге «Марксизм-ленинизм — интернациональное учение рабочего класса». В этой книге всесторонне раскрывается интернациональное значение марксизма-ленинизма как научного выражения коренных интересов рабочего класса и могучего оружия революционного преобразования мира; большое внимание уделяется коренным проблемам теории и практики научного коммунизма, укрепления мировой социалистической системы, борьбе нашей партии за торжество дела мира, демократии и социального прогресса.

Важнейшие работы и выступления тов. Суслова М. А. по вопросам экономики, культуры, социальной жизни в условиях коммунистического строительства в СССР помещены в сборнике «Избранное. Речи и статьи». Значительное место в этих трудах занимает разработка актуальных общественно-политических и идейно-теоретических проблем и в первую очередь — развитого социалистического общества. Среди них — вопросы, связанные с укреплением советской государственности, повышением руководящей роли рабочего класса и ленинской партии в процессе строительства коммунизма в СССР, дальнейшим совершенствованием социалистической демократии, борьбой КПСС за чистоту марксистско-ленинской идеологии, против антикоммунизма и всех разновидностей оппортунизма и ревизионизма.

Жак Дюкло — член Политбюро ФКП, один из виднейших ветеранов французского и международного коммунистического движения — является автором ценных марксистских трудов по истории, теории и практике рабочего движения. Среди его исследований высокую оценку прогрессивной научной общественности получили такие работы, как «Битвы за республику», «Первый Интернационал», «Единство действий рабочего класса и народный фронт», «Парижская Коммуна — предвестница нового мира», «Будущее демократии», «Октябрь 17 года и Франция». В этих трудах Жака Дюкло нашли отражение актуальные вопросы истории классовой борьбы пролетариата Франции против эксплуатации, дана глубокая оценка ряду значительных событий в жизни страны и во всем мире.

Важнейшие работы Ж. Дюкло, освещающие борьбу Французской коммунистической партии за улучшение экономического положения трудящихся, в защиту их социальных и политических прав и свобод, ее борьбу за мир, демократию и социализм, включены в изданный двухтомник «Избранные произведения». Большое значение для изучения истории рабочего движения и политической истории Франции имеют опубликованные его «Мемуары».

Г. Писаренко, А. Зотов, Н. Колосов.
Фото Л. Шерстенникова.

СЛОВО СДЕРЖИМ!

Праздник Победы! Даже самому старшему из нас, когда окончилась вторая мировая война, не было и девяти лет. От своих родителей, от вернувшихся с фронтов отцов мы знаем, какой была эта война, какой героизм и мужество проявил советский народ. Праздник 30-летия Победы на всю жизнь запомнится: нам посчастливилось быть в эти радостные, солнечные майские дни в Москве, видеть необыкновенно красивую, торжественную и помолодевшую советскую столицу.

С глубоким волнением слушали мы речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. «Пройдет не так уж много лет, и советский народ добьется практического решения задач, о которых еще недавно мы могли только мечтать. Я говорю об этом потому, что вся наша страна по существу — огромная стройка... На карте Родины появятся новые предприятия и города». Будто к нам, строителям, обращены эти слова Леонида Ильича. Наш заново рожденный двухсоттысячный город на Каме уже на весь мир заявил о себе. Совсем немного осталось времени до того дня, когда на всю страну заговорит и гигант автомобильной промышленности — КамАЗ. Мы, строители КамАЗа, не жалеем сил, чтобы приблизить этот час.

Нам особенно близко и дорого в речи товарища Л. И. Брежнева все то, что касается молодежи и задач, стоящих перед ней. КамАЗ — молодежная стройка, и когда мы 9 мая стояли на трибуне Красной площади, то вместе с участниками многотысячной манифестации юношей и девушек столицы про себя повторяли слова их клятвы: будем достойными подвига народа, успешно завершим девятую пятилетку, трудовыми достижениями встретим XXV съезд КПСС! Что касается нашей бригады,— а мы строим жилые дома, школы, магазины, столовые,— то мы свою пятилетку выполнили за 2 года и 11 месяцев. Наше новое обязательство в честь XXV съезда партии: план последнего, завершающего года пятилетки — к 7 ноября! Уверены, что свое слово сдержим.

Александр ЗОТОВ, бригадир каменщиков,
Николай КОЛОСОВ, групкомсорг бригады,
Григорий ПИСАРЕНКО, профгрупорг бригады

МОЙ ДОЛГ

В речи товарища Л. И. Брежнева меня особенно взволновали слова, касающиеся нас, молодых. Перед страной стоят огромные задачи, и решать их предстоит нам, решать так, чтобы быть достойными поколения людей сороковых годов.

Мне 28 лет. С шестнадцати я была комсомольской активисткой, в двадцать три вступила в члены партии. За эти годы успела окончить университет в Тарту, аспирантуру в Москве и защитить диссертацию — суть этой работы в том, что я попробовала смоделировать некоторые процессы изменения и движения одного из сильных канцерогенов, загрязнителей биосферы.

В моей жизни многое шло слишком гладко. Это означает только одно — предыдущие поколения подготовили для нас эту гладкую дорогу. Но ведь если мы берем, то надо и отдавать.

Меня избрали членом Центрального Комитета комсомола Эстонии, мне присудили премию эстонского комсомола. В марте этого года нас, группу молодых эстонских ученых, фотографировали у Знамени Победы. В совете молодых ученых я руковожу секцией точных наук. В молодые годы успела много взять из тех возможностей, что дает нам наша страна, наш строй. Теперь же мне предстоят исследования — работа, в процессе которой нужно с наибольшей пользой вернуть народу все мною полученное. Есть ли для этого условия? Есть. Сейчас я работаю в Таллине, в Институте химии АН ЭССР, а вскоре перееду в Тарту, в Институт физики. Мне хочется попасть в этот институт, там хороший коллектив, прекрасное оборудование. Подбирается хорошая группа молодых ученых.

Мне трудно давать какие-либо обещания: ученого могут ждать и успехи и неудачи, только хочу сказать, что быть достойной поколения сороковых годов — мой долг, и я это прекрасно понимаю.

Тийна КАРУ, кандидат химических наук

ПЕРВЫЙ РЕЙС ВЛАДИВОСТОК—ДАНАНГ

Теплоход «Нина Сагайдак» Дальневосточного ордена Ленина морского пароходства доставил из Владивостока в порт Дананг Республики Южный Вьетнам около четырех тысяч тонн продовольствия для населения освобожденных районов.

Корреспондент журнала «Огонек» А. Голиков по радио связался с капитаном теплохода товарищем Костянкиным.

ВОПРОС. Как проходил рейс, как встретили вас в Дананге?

ОТВЕТ. Этот рейс экипаж теплохода воспринял как ответственное и почетное задание, как выполнение интернационального долга советских людей. Моряки трудились по-ударному и доставили груз в точно назначенный срок. Теплоход «Нина Сагайдак» был первым иностранным торговым судном, посетившим порт Дананг после его освобождения патриотами.

Встречали нас радостно, торжественно, по-братски. На теплоход пришла большая делегация трудящихся Дананга. Они горячо благодарили Советский Союз за постоянную помощь в их тяжелой и кровопролитной борьбе за свободу и независимость родины.

Представитель Военно-административного комитета Дананга рассказал, что в их комитет, кроме комиссара Народного фронта освобождения, входят также рабочие и прогрессивно настроенная интеллигенция. Комитет проводит большую работу по учету материальных ценностей, по организации работы порта и других промышленных предприятий. Энергично поддерживает в городе законность и порядок.

ВОПРОС. Как налаживается мирная жизнь Дананга?

ОТВЕТ. По нашим наблюдениям, Дананг быстро обретает облик мирного портового города. Например, разгрузка нашего теплохода проходила очень организованно, без всяких задержек. Многие портовики уже вступили в Федерацию профсоюзов освобождения. В городе и в порту производятся восстановительные работы.

Народная власть пользуется авторитетом. Она, как нам рассказали, проводит политику национальных интересов, в духе национального согласия. Эта политика находит понимание и поддержку даже у тех вьетнамцев, которые служили в марионеточных вооруженных силах. Эскадра марионеточного режима в составе 27 кораблей добровольно сдалась Народным вооруженным силам. При этом моряки сохранили в полной исправности и корабли и оружие.

Перед отходом из Дананга к нам на борт опять поднялись представители трудящихся. Они просили передать советским людям свою глубокую признательность и сказать, что в Южном Вьетнаме будет построена новая жизнь и навсегда утвердится власть, которая служит народу.

Ц. СОЛОДАРЬ

Последние минуты 8 мая 1945 года.

Карлсхорст, восточный пригород Берлина.

Перекресток улиц Цвизилерштрассе и Рейнштейнштрассе.

Окруженный реденьким забором серый двухэтажный дом под черепичной кровлей.

Продолговатый зал офицерской столовой военно-инженерного училища. Через несколько минут он станет одним из самых памятных человечеству исторических мест XX века.

На небольшом возвышении — стол. Для тех, кого правительства антигитлеровской коалиции уполномочили принять безоговорочную капитуляцию фашистской Германии.

Перпендикулярно к возвышению — два стола.

За одним, более длинным, уже сидят советские военачальники. Это их доблестные части и подразделения форсировали Одер и Шпрее, разгромили оборонявшие Берлин гитлеровские войска и полностью выполнили наказ советского народа, о котором на каждом километре ведущих к Берлину дорог выразительно напоминали лаконичные плакаты:

«Добить фашистского зверя в его берлоге!»

Мы узнаем командармов, членов Военных советов, комкоров, комдивов, начальников политотделов, начальников штабов — цвет командного и политического состава 1-го Белорусского фронта.

Здесь, используя каждый сантиметр, разместились, вернее, прижались друг к другу военные корреспонденты. Тесновато. Ведь к находившимся в войсках 1-го Белорусского советским журналистам и писателям присоединилась группа прилетевших американцев, англичан и французов, на чьих по-

ПИТУЛЯЦИЯ

гонах вместо знаков различия надпись «военный корреспондент».

И где-то сбоку, там, где в судах обычно установлена скамья подсудимых, стоит грубо сколоченный, ничем не покрытый стол для представителей командования поверженной армии гитлеровского рейха.

24 часа.

Из кабинета командующего фронтом выходят Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, его заместитель генерал армии В. Д. Соколовский, прилетевший из Москвы с документацией юридического оформления разгрома фашистской Германии А. Я. Вышинский, английский маршал авиации Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал Карл А. Спаатс, командующий военно-морскими силами союзников в Европе адмирал Гарольд Берроу, главнокомандующий французскими войсками генерал Делатр де Тассиньи.

0 часов 2 минуты 9 мая.

Маршал Жуков открывает заседание. Его слова о том, что сейчас предстоит принять безоговорочную капитуляцию Германии, властно стучат в сердца и заставляют с новой силой осознать значение этих минут для всего мира: немецкий фашизм поставлен на колени!

И у многих, да, у очень многих подплыл комок к горлу и увлажнились глаза, когда процедуру, знаменующую собой полный разгром коричневой чумы и конец второй мировой войны, открыл советский полководец, русский человек, сын крестьянки и мастерового, питомец ленинской партии, воин Красной Армии со дня ее основания.

Бывалые и мужественные, не раз глядевшие смерти в глаза солдаты — они пытаются скрыть охватившее их глубокое волнение.

Меньше всего это удается генерал-полковнику Н. Э. Берзарину, первому советскому коменданту Берлина. Храбрый командарм прославленной 5-й ударной и не пытается смахнуть набежавшую слезу.

0 часов 3 минуты.

В тишине четко звучит знаменитая жуковская фраза:

— Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

0 часов 4 минуты.

Вводят тех, кому надлежит подписать акт капитуляции.

Первым переступает порог генерал-фельдмаршал Кейтель, правая рука Гитлера. Этот палач Европы, принимавший по поручению фюрера капитуляцию порабощенной Франции, хвастливо обещал ему покончить с Советским Союзом за полтора-два месяца.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков подписывает акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

— Лакейтель,— произносят одновременно несколько человек за корреспондентским столом. За рабское угодничество перед фюрером так прозвали своего фельдмаршала его же генералы.

На секунду задержавшись на пороге, Кейтель театрально жонглирует фельдмаршальским жезлом. Но, убедившись, что это не вызвало никакой реакции, опускает жезл и едва не роняет на пол.

У приземистого Штумпфа физиономия и плечи вконец растерявшегося человека. Усевшись справа от Кейтеля, он исподлобья поглядывает на стол советских военачальников. Я тогда записал: «Побагровевший Штумпф, видимо, по погонам и петлицам узнал командарма 16-й Воздушной С. И. Руденко. Что ж, в берлинском небе летчики генерал-полковника Руденко (среди них легендарный Иван Кожедуб!) окончательно прикончили геринговских и штумпфовских асов!»

Жердеобразный адмирал фон Фридебург старается замаскировать свои переживания гримасой показного безразличия к происходящему.

0 часов 9 минут.

Главы союзных делегаций просматривают документ, уполномочивающий Кейтеля, Штумпфа и Фридебурга подписать акт капитуляции.

С этой бумагой, подписанной недолговечным преемником Гитлера гроссадмиралом Деницем, разрешают ознакомиться и корреспондентам. В левом углу бланка верховного командования германских вооруженных сил старательно зачеркнуто слово «Берлин» и от руки вписано туманное обозначение «главная ставка». Символичная деталь: у верховного командования разгромленного рейха уже нет места пребывания, нет даже своих бланков!

0 часов 10 минут.

Кейтель смиренно подтверждает, что немецкие делегаты готовы подписать акт. Вынув из бокового кармана самопишущую ручку, он медленно отвинчивает колпачок и кладет руки на стол, всем своим видом показывая, что ему остается только получить экземпляры акта.

Но эту дешевую театральщину перечеркивают внятные слова председательствующего:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда.— Жуков показывает на узенький столик справа от стола президиума.— Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

0 часов 11 минут.

Начинается подписание акта.

Оно проходит немногословно, бесшумно, размеренно.

0 часов 30 минут.

Подписанные капитулянтами пять экземпляров акта начинают скреплять своими подписями главы союзных делегаций. Первым это делает Г. К. Жуков.

0 часов 43 минуты.

Капитулянты сделали свое дело, капитулянты могут удалиться.

Председательствующий предлагает немецкой делегации покинуть зал.

Кейтель, Штумпф и Фридебург, отвесив неловкие поклоны, уходят в сопровождении адъютантов и штабных офицеров. В последний раз битых гитлеровских полководцев сопровождает такой эскорт. В дальнейшем они передвигались уже только под вооруженным конвоем.

0 часов 45 минут.

Поздравляя боевых друзей, маршал Жуков посвящает свои заключительные слова тем из победителей, кого уже нет среди нас:

— Как бы они порадовались долгожданной Победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь!

Слова замечательного советского полководца звучат так зна-

чительно, так сердечно, что ощущаешь незримое присутствие в этом зале всех советских воинов, внесших свой ратный вклад в Победу.

0 часов 50 минут.

Закончилась памятная церемония, к которой доблестные войска Советской страны начали свой нелегкий путь от Москвы. Именно от Москвы — ведь заря Победы, взошедшая в эту весеннюю ночь над поверженным Берлином, впервые забрезжила в декабре сорок первого над заснеженными подступами к непокоренной Москве.

И есть нечто знаменательное в том, что очень многие находящиеся сейчас в карлсхортском зале воины участвовали в героической обороне Москвы и разгроме немецко-фашистских войск на подступах к нашей столице.

0 часов 51 минута.

Фашистская Германия капитулировала.

Приглашая союзные делегации и своих боевых соратников на банкет, маршал, широко улыбаясь, говорит:

— Прошу закусить чем военторг послал.

1 час 5 минут.

Весть о капитуляции Германии выплеснулась на улицы Берлина. И когда Г. К. Жуков, открывая банкет, предлагает тост за Победу антигитлеровской коалиции, в окна доносятся первые раскаты импровизированных салютов наших воинов в честь Победы.

...Из здания во двор я выхожу через какую-то боковую дверь. На часах — молодой краснофлотец.

Надпись на его бескозырке «Днепровская военная флотилия».

В нарушение устава караульной службы он с жизнелюбивой смешинкой обращается ко мне:

— Значит, товарищ майор, Гитлеру и гитлеровцам— полный амбец!

Усугубляя нарушение устава, я обнимаю часового.

Из демаскированных окон льется непривычно ослепительный свет. Я так мечтал впервые увидеть эту долгожданную картину в Москве, а довелось — в Берлине.

Выйдя за ворота, слышу заливистую частушку. Она доносится от походной кухни, где собрались наши пехотинцы:

Гитлерята — ах и ох!
Поднимают хенде хох.
Была капутиляция,
Пришла капитуляция!

Пришла!

Вячеслав КОСТЫРЯ

РЕЙС ОСО

Отчитавшись за полет Москва — Берлин — Москва, пилот Тайметов, бортмеханик Демин и бортрадист Гордиенко прилегли часа на три в аэропортовской гостинице: устали!

А в шестнадцать часов, тщательно побрившись и подшив свежие подворотнички, надраив все, что только могло блестеть на мундирах, неторопливым шагом двинулись вместе со всеми, идущими на «параллельных курсах», на Красную площадь.

Казалось, что в тот день, девятого мая 1945 года, туда устремилась не то что вся Москва—вся страна! Взявшись за руки, чтобы не потерять друг друга в мощном людском потоке, тройка авиаторов лишь под вечер достигла Мавзолея В. И. Ленина. Три капельки в бесконечной реке всенародного ликования... Будь рядом еще командир 19-го авиаполка особого назначения Семенков, летавший с ними в Берлин в качестве первого пилота, да штурман Калинин, в сборе был бы весь экипаж, выполнявший последнее для них в Великой Отечественной войне задание — он доставил в Москву Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

И вот спустя тридцать лет один из членов экипажа, первый летчик-узбек Абдусамат Тайметов, работающий ныне в Ташкенте, рассказывает о том, далеком уже времени.

В войну он учил летать будущих пилотов, перегонял на фронтовые аэродромы новые самолеты, возил к партизанам оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие, а из вражеского тыла раненых.

В начале 1945 года Абдусамата Тайметова переводят в 19-й полк особого назначения. На двухмоторном «СИ-47» он летает с ответственными заданиями в Лондон, Стокгольм, Тегеран.

Вечером шестого мая 1945 года они вернулись из Тегерана. Выслушав доклад о полете, начальник штаба полка приказал: «Из гостиницы никуда не отлучаться».

Сначала обрадовались: можно отоспаться как следует.

Но прошел день, второй, а никаких новых указаний. Томились в номере, читали, играли в шахматы, строили предположения: куда полетим, зачем?

В семь утра восьмого мая дежурный по штабу передал приказ: к восьми ноль-ноль экипажу быть у самолета в полной готовности!

Прибыли. Каждый торопится выполнить свои предполетные обязанности, а часовой не подпускает даже к стоянке. Когда пришел разводящий, оказалось, что осмотр материальной части уже произведен самим инженером полка, баки заправлены горючим. Заправлены даже два запасных, те, что под диванами пассажирского салона. Часов на двадцать горючего хватит! В общем, садись и лети! Но опять же — куда? Полетного задания нет, маршрутной карты нет, радиоданных для связи нет, даже прогноза погоды нет!... Здесь, в Москве, моросит дождик, низкая облачность. С левого, командирского, кресла хорошо видны изумрудные ковры аэродромного поля, оттенившие мокрой майской зеленью рулежные дорожки и взлетную полосу.

На поле тишина, никаких взлетов-посадок, не работает ни один мотор. И тем отчетливей донесся до слуха гул приближающихся автомобилей, привезших к самолету группу военных и гражданских. В пилотскую кабину заходит командир полка Семенков, вручает полетные документы и пакет, который приказано вскрыть лишь над Польшей.

— На этот раз полетим вместе, — говорит командир полка,— садитесь в правое кресло...

От этих слов и облегчение и тревога: не инспекторская ли проверка? А может, задание ОЧЕНЬ ответственное? Хорошо, что рядом командир полка...

Взлетели в девять часов утра с минутами. На высоте сто метров вошли в плотную облачность — дело привычное, ночные полеты приучили ходить по приборам. И вот на высоте триста метров в кабину хлынуло ярчайшее солнце! Курс—260 градусов... «Несем солнце на Запад!» — мелькнула мысль. Тайметов не мог преодолеть желания узнать, кого же везут. Отлучившись на минуту из пилотской кабины, он обратил внимание на седоголового человека, который в отличие от других пассажиров не сидел, а лежал на диване в передней части салона. Это был А. Я. Вышинский.

Над Варшавой Тайметов вскрыл пакет. В нем указания о ближайших действиях и еще один опечатанный пакет, кото-

НЕКОЛЕБИМО, КАК РОССИЯ!

БОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Пилот Абдусамат Тайметов у самолета «СИ-47», на котором 9 мая 1945 года был доставлен из Берлина в Москву акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. (Снимок 1945 года.)

Абдусамат Тайметов в мае 1975 года.

Фото В. Тутина.

рый надлежало вскрыть лишь после того, как у польско-германской границы по сигналу их ракеты поднимутся в воздух эскортные истребители.

Последние километры Польши. Синее небо прочерчивает зеленая ракета, и тотчас внизу, на полевом военном аэродроме, одновременно вспыхнуло шесть пылевых облачков — в небо взмыли два звена истребителей сопровождения.

Наконец распечатан второй пакет: «Маршрут проложить в Берлин и сесть на центральный аэродром Темпельгоф». Вот оно что!..

Последние сорок минут полета были особенно томительны. Наконец Берлин. Под крылом потянулись развалины, затянутые дымными шлейфами... Наконец внизу—поле Темпельгофа! Солнечный блеск труб духового оркестра, квадраты почетного караула...

Осторожно, как на экзамене, совершили посадку и по торжественному коридору из красных флагов и золотых погон советских офицеров подрулили к месту, где пассажиров встречали генерал В. Д. Соколовский и другие военачальники.

Со своей стоянки экипаж Тайметова видел прилетевших в Берлин англичан, американцев, французов, а затем и немцев во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем.

Экипажу «СИ-47» было приказано отрулить самолет на дальнюю стоянку и находиться при нем неотлучно. Обед будет доставлен!.. Начались томительные часы ожидания. Потом сообщили, что и «ужин будет доставлен»... По неписаному солдатскому закону в такой ситуации лучше всего уснуть, но сон не шел... Слушали музыку: приводные радиостанции слали в эфир концерт за концертом... Поужинали... Стемнело... Ночь! Тишина.

Лишь на рассвете девятого мая послышался шум автомобильных моторов. Вот они рядом, хлопают дверцы. Возле самолета возбужденный говор. Летчики кинулись к выходу. У трапа человек пятьдесят. Все необыкновенно возбуждены. На лицах счастье. Генерал, стоящий впереди, обращается к членам экипажа:

— Товарищи, поздравляю вас с Победой! Война кончилась, враг капитулировал!

Затем генерал вручает Семенкову большой белый пакет.

— Незамедлительно возвращайтесь в Москву с этим пакетом, — приказывает он. — В нем документы о капитуляции...

Свершилось! Вот он, финал войны. В самолет быстро грузят трофейные флаги, штандарты и знамена фашистских дивизий, разбитых под Берлином.

Взлетели с Темпельгофа в четыре часа по московскому времени. Набрали высоту около двух тысяч метров. И пошли навстречу восходящему солнцу. К девяти часам показалась Москва. По всему было видно, что на аэродроме их ждали с нетерпением: наверное, за всю прежнюю историю московского аэропорта никогда не было такой «зеленой улицы» для подлета и посадки, как в тот день для их «СИ-47»!

Когда пакет был передан представителям Ставки Верховного Главнокомандования, наступила необычная расслабленность. Встречающие передавали их из рук в руки, из объятий в объятия, не давая их ногам коснуться земли!..

А вечером на Красной площади они видели море счастья и сами были его каплями.

Советский народ никогда не забудет героизма защитников Новороссийска, преградивших путь фашистским полчищам, рвавшимся на Кавказ. Выступая 7 сентября 1974 года в Новороссийске на торжественном заседании, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Одним из решающих по значению и самым продолжительным по времени плацдармом борьбы за Кавказ стал Новороссийск. Борьба за него носила исключительно ожесточенный характер. Враг не смог сокрушить этот бастион. В районе цементных заводов был создан огненный рубеж, который остановил наступление фашистов. Враг так и не смог воспользоваться вашим прославленным портом. В него не прошел ни один фашистский корабль!»

Книга известного журналиста Н. Колесова «В памяти и в сердце — навсегда» воскрешает эти славные события. 360 дней длилась героическая оборона Новороссийска. Символом несгибаемой воли и мужества советских солдат стала легендарная «Малая земля», каждая пядь которой обагрена кровью наших бойцов. В те дни, когда огненный рубеж вплотную подошел к цехам цементного завода, газета 18-й десантной армии «Знамя Родины» писала: «Защитники цехов знают, что сегодня они обороняют завод, а завтра будут хозяевами всего города. Предстоит жестокая борьба за каждый дом, улицу, квартал. Но нет такого бойца, который не жаждет этого боя!»

Книга Н. Колесова не случайно имеет подзаголовок «Новороссийский репортаж». Яркая история города, события военного времени тысячью нитей связаны в ней с современностью. Продолжая революционные, боевые и трудовые традиции, труженики Новороссийска вносят достойный вклад в общенародную борьбу за успешное выполнение заданий пятилетки.

День 7 сентября 1974 года, когда состоялась встреча жителей Новороссийска с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, прибывшим для вручения городу-герою ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», навсегда останется в памяти ее участников. В период обороны черноморской крепости Л. И. Брежнев являлся начальником политотдела 18-й армии, защищавшей город. Вот почему такой торжественной и волнующе прекрасной была эта встреча.

Рассказ об этом событии занимает центральное место в книге Н. Колесова. Этой сердечной встречей открывается и книга «Подвиг Новороссийска» — сборник документов и воспоминаний, повествующих о бесстрашии города-героя.

Нельзя без волнения читать «225 дней мужества и отваги» — страницы, написанные С. Борзенко в 1943 году на «Малой земле», и сегодняшние воспоминания малоземельцев, отрывки из дневника парторга батальона Ф. Николаева, другие материалы сборника. В них отчетливо звучит мысль о том, что успех обороны Новороссийска был обусловлен руководящей ролью Коммунистической партии, чей организаторский талант с такой огромной силой проявился в самые трудные годы Великой Отечественной войны.

Книга Н. Колесова «В памяти и в сердце — навсегда», сборник «Подвиг Новороссийска» помогают нести эстафету мужества и героизма, идейной стойкости, преданности Родине, партии, народу.

Ю. ЛОПУСОВ

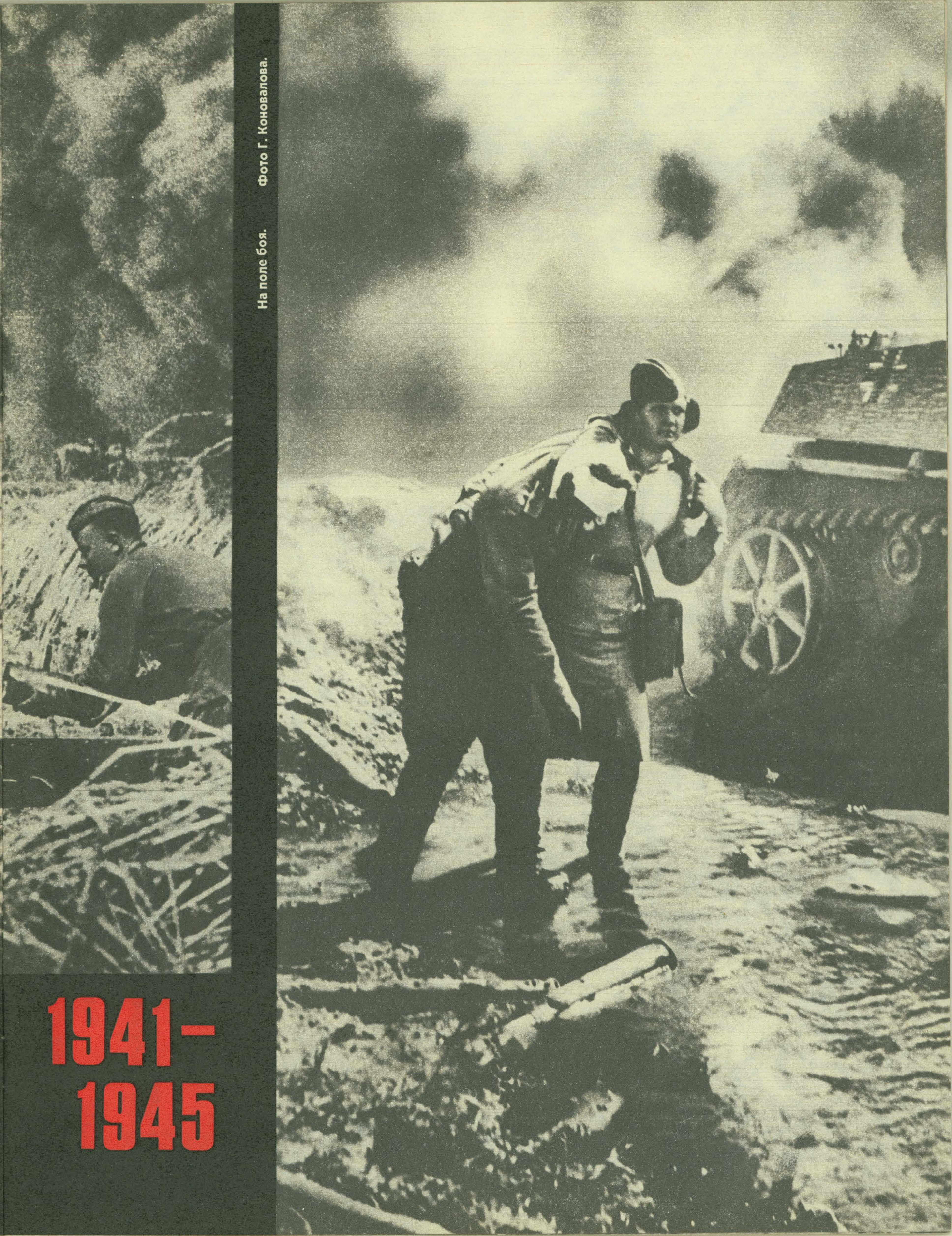
Н. В. Колесов. В памяти и в сердце — навсегда. Новороссийский репортаж. М., Политиздат, 1975, 111 стр.; Подвиг Новороссийска. Краснодарское кн. изд-во, 1974, 320 стр.

По фашистским танкам: «Огонь!»

Фото М. Савина.

ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

На поле боя. Фото Г. Коновалова.

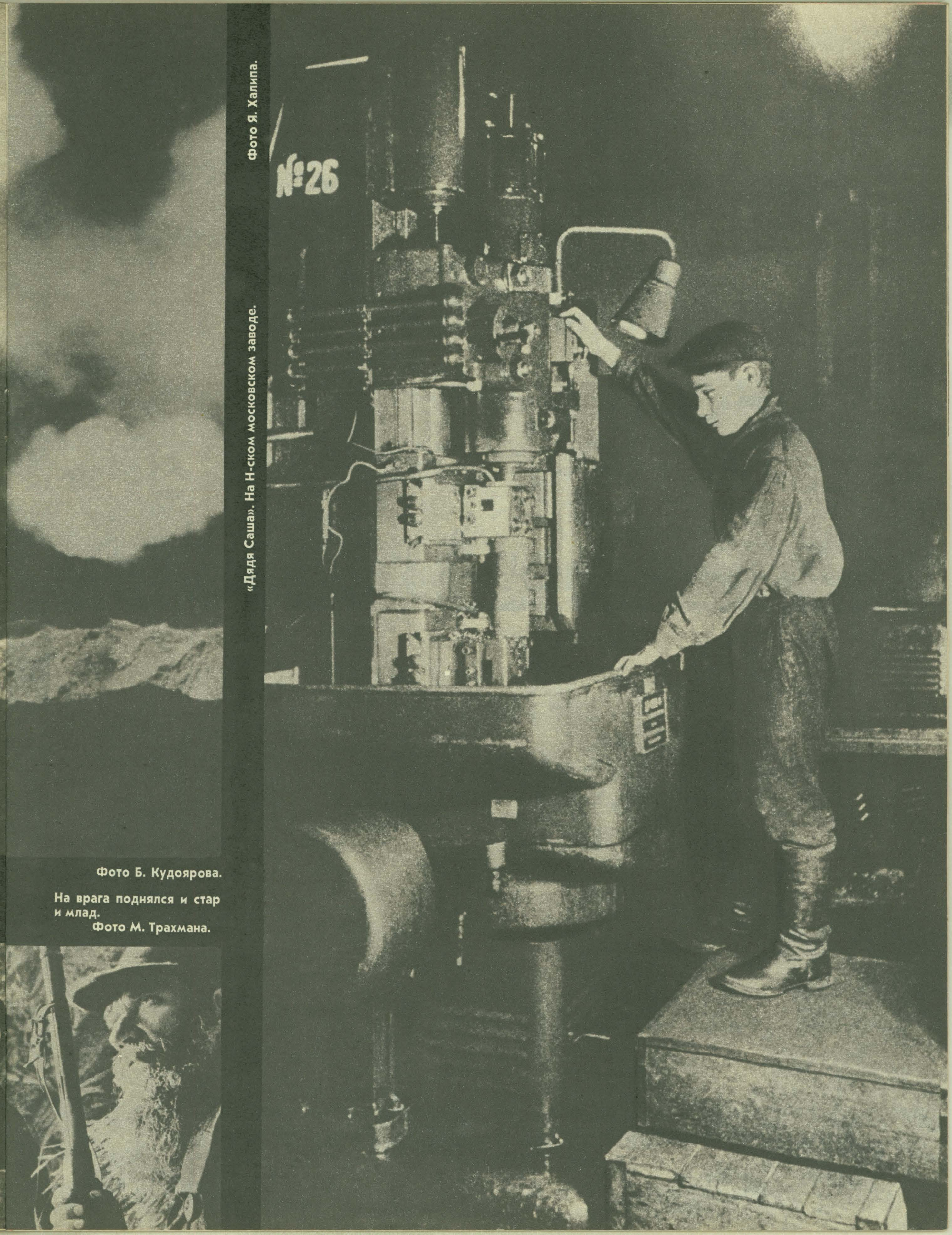
Тревожная ночь блокадного Ленинграда.

Концерт в военном госпитале.
Фото Е. Микулиной.

Ферапонт Головатый желает удачи своему земляку гвардии майору Еремину, которому он вручил второй самолет, построенный на личные сбережения.
Автор неизвестен.

«Дядя Саша». На Н-ском московском заводе.

Фото Я. Халипа.

Фото Б. Кудоярова.

На врага поднялся и стар и млад.
Фото М. Трахмана.

Красная площадь 7 ноября 1941 года.

Фото С. Гурария.

Сталинград. Красное знамя над площадью Павших борцов.

Фото Г. Зельмы.

В. Яковлев. ПОРТРЕТ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА И. В. ПАНФИЛОВА.

Е. Данилевский. В БОЙ — КОММУНИСТОМ!

П. Кривоногов. НА КУРСКОЙ ДУГЕ.

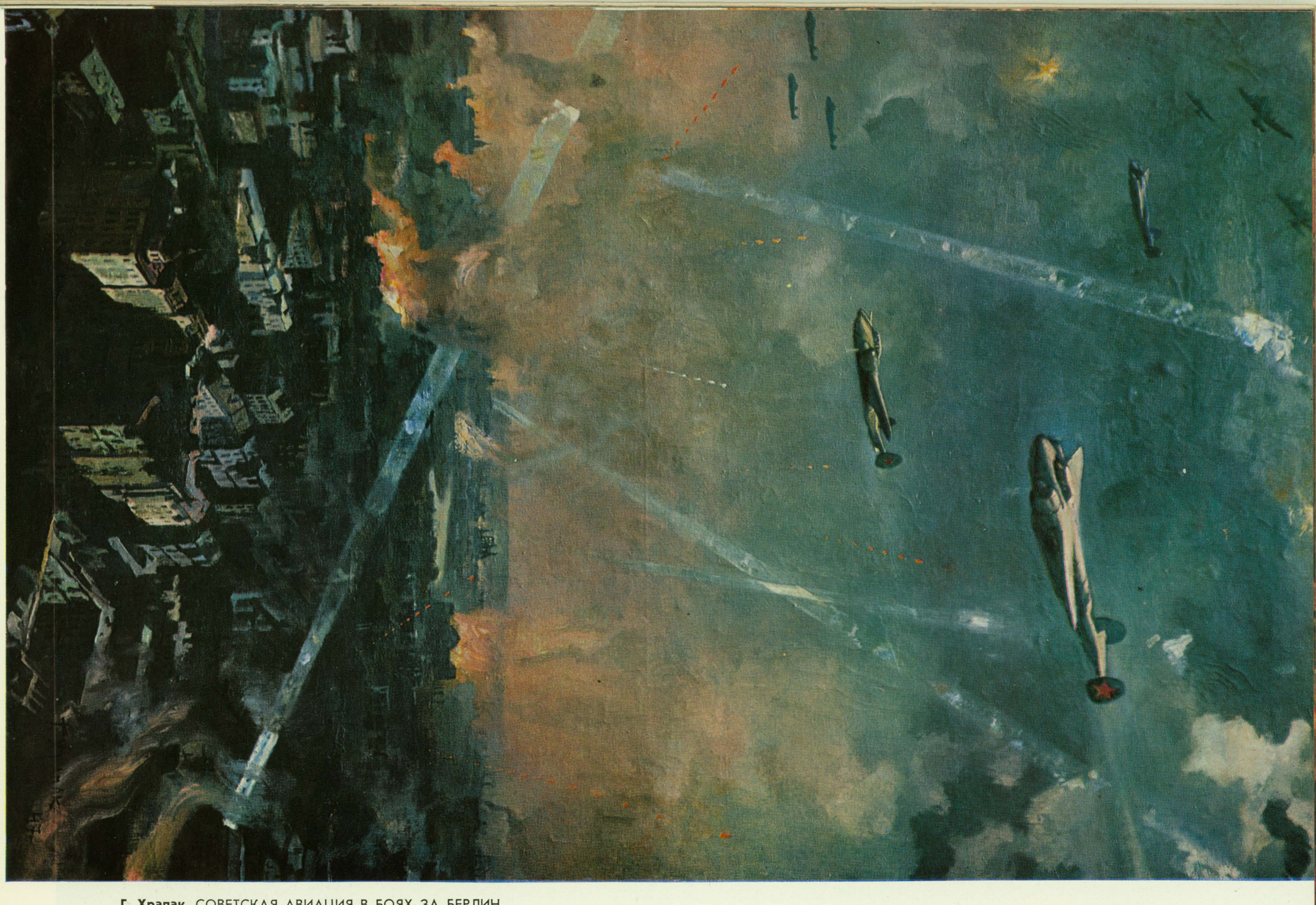

П. Кривоногов. КОМИССАР КРЕПОСТИ.

Б. Иогансон. ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ.

Г. Храпак. СОВЕТСКАЯ АВИАЦИЯ В БОЯХ ЗА БЕРЛИН.

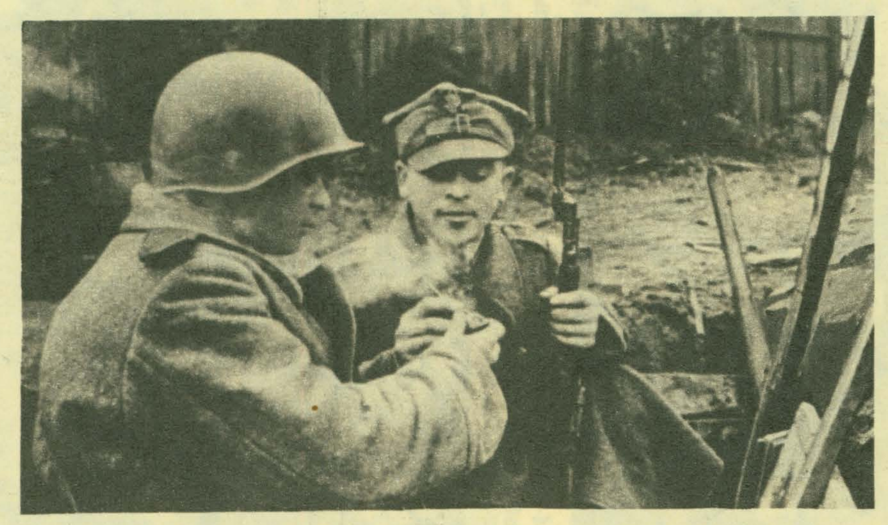
А. Дейнека. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

В. Богаткин. ШТУРМ РЕЙХСТАГА.

В. Костецкий. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Так встречала Красную Армию София. Фото С. Короткова.

Польша. Братья по оружию. Фото А. Архипова.

В освобожденном Будапеште. Фото Е. Халдея.

Злата Прага приветствует советских солдат. Фото А. Егорова.

Советские воины на улицах Белграда. Фото Е. Халдея.

Начальник политуправления 4-го Украинского фронта, заместитель командира сводного полка по политической части генерал-майор Л. И. Брежнев и его фронтовые товарищи на параде Победы в Москве. 24 июня 1945 года.

Фото Я. Халипа.

Фашистские штандарты и знамена у подножия Мавзолея. 24 июня 1945 года.

Фото С. Гурария.

Красная площадь 9 мая 1945 года.
Фото Я. Халипа.

Домой с Победой! Первый эшелон из Берлина с демобилизованными воинами на Белорусском вокзале в Москве. Фото С. Короткова.

Юрий **БОНДАРЕВ**

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

БЕРЕГ

Разрывов не было видно. Два снаряда разорвались внутри дома, тяжко тряхнули, подкинули его рассыпавшимся звоном. Клубы палевого дыма вывалили из окон первого этажа, и вдруг воедино слитый страшный вой человеческих голосов вырвался оттуда. Он вырвался из задымленных нижних окон, вой предсмертного отчаяния и обреченности, потом врезались в этот вой команды на немецком языке, одиночные выстрелы в пределах дома, и Никитин с ознобом по спине представил, что наделали там эти два осколочных снаряда, со снайперской точностью выпущенные Межениным.

— Командуй, лейтенант, командуй! — повторял безумно и неудержимо Меженин, выхрипывая после каждого выстрела короткие горловые звуки, как при рубке топором. — Еще два снаряда! Еще! Командуй!..

Вой в доме не утихал.

— Что они там? — пробежало слабым ветерком по расчету. — Плачут, что ли? Кричат, а?

И Никитин увидел бледное, передернутое страданием и удивлением лицо Княжко, теребившего в руках прутик, поодаль лицо младшего лейтенанта Лаврентьева, с зажмуренными глазами, зажавшего ладонями уши, увидел Перлина, который с криком и даже хохотом удовлетворенного злорадства взмахивал ракетницей, раскрыливая плащ-палатку, и строевой голос его бил по слуху грубым матом: «Сдаются, гады, сдаются, так их!..» — и тут же, глянув на дом, Никитин поймал зрением что-то белое, лоскутом материи порхнувшее в окне и вроде бы тотчас срезанное кем-то изнутри глухим выстрелом. Это белое мелькнуло, пропало, но крик скопленных ужасом голосов рвался мутной волной из окон, то стихая, то нарастая, как бывает в охваченных пламенем и запертых домах во время пожара.

— Хрен вам сдаются, хрен сдаются!..— выговорил обрывисто и сипло Меженин, все не отрываясь от прицела. — Убрали белое, платочком махнули! Командуй, лейтенант, командуй! Еще пару осколочных туда! Шашлык из них... Кучу дерьма из них... Заряжай, говорю!

— Стой! Ни одного снаряда! — крикнул Княжко и, швырнув прутик, подошел к Никитину, мертвенно-бледный, упрямо сосредоточенный, быстро заговорил перехваченным возбуждением голосом:— Слушай... Это же наверняка мальчишки. Такие, как тот убитый... мальчишки!.. Не умеют же воевать. Похоже, мы в упор расстреливаем их! Белый флаг выкинули и убрали. Вервольфы или гитлерюгенд... Сомневаются, пощадим ли мы их. Боятся в плен... Стой, не стреляй!

За два года войны, с тех пор, как на Днепре Княжко пришел в батарею, Никитин не замечал ни оттенка, ни намека на сомнение, на нерешительность в нем, и то, что говорил он сейчас, было одной гранью правды или всей правдой, которую мог бы понять Никитин, если бы нетвердость решения присуща была Княжко, как свойственна была подчиняющая ему людей прямая сила, соединенная как бы с легким высокомерием.

— Что ты предлагаешь?—спросил Никитин.— Не понимаю... Что?

— Стой! Никому не стрелять! Пехота! Перлин! Ни одного выстрела! — прокричал Княжко, поворачиваясь к Перлину, подле которого тонким столбиком покачивался младший лейтенант Лаврентьев с яблочными пятнами на щеках.— Слушайте, Перлин, ни одного выстрела. Они и так сдадутся, Перлин! Стрелять только по моему приказу! Только по моему!..

И после того как он скомандовал это, все стало прежним в облике Княжко, только лицо не утратило прозрачной бледности. Он провел рукой по ремню знакомым жестом, чуть прямее над лбом поправил пилотку и, нахмурившись, зачем-то вынимая на ходу носовой платок из кармана, слегка заметно прихрамывая, пошел напрямую от орудия к крайним соснам, последним перед поляной. Там, уже ясно видимый в яркой прозелени травы, он решительно поднял платок над головой и, помахав им, закричал что-то на немецком языке — несколько фраз, отделяя их паузами. Никитин понял едва ли три слова: «nicht schießen» и «Junge», но совсем не предполагаемое и отдающее жутью действие Княжко, его приказ не продолжать неравный бой с засевшими в доме немцами, то, что казалось одной гранью правды или всей правдой, было и бессмысленным риском и выходом из безумия, которое тем же безумным шагом своего трезвого разума хотел прекратить Княжко, не выдержав этого животного вопля немцев, вызванного двумя выстрелами орудия по окнам в упор.

— Что делает? Куда пошел? Ку-уда-а? Лейтенант!..

Перлин ожег черными глазами Никитина, метнулся своей квадратной фигурой сбоку орудия; треща по сучьям сапогами, подбежал к штабелю дров, схватил растерянно испуганного Лаврентьева за портупею, затряс его, закричал ему в лицо:

— Быстро! По цепи! Чтоб ни одного выстрела! Душа из тебя вон! Ну!.. На крыльях лети!

И яростным толчком, взбешенный собственным бездействием, сдвинул дулом ракетницы с мокрого лба расколотый козырек фуражки, снова бросился к Никитину, перескакивая корневища кривоватыми ногами.

— Лейтенант, лейтенант! — Он почти ударил ракетницей по локтю Никитина, показал на поляну.— Он что? Ангел у вас? Святой? Да кому это нужно?

Но Никитин не ответил. Он чувствовал определенно одно: то, что делал сейчас Княжко, мог сделать только Княжко, и ни Перлин, ни он, Никитин, ни Меженин и ни командир батареи Гранатуров не в силах были бы его остановить, изменить его решение — он знал это.

Выстрелов не было. Воющие крики людей не затихали в лесничестве. Княжко, невысокий, узкий в талии, спокойный с виду, сам теперь похожий на мальчика, шел по поляне, размеренно и гибко ступал сапожками по траве, размахивая носовым платком. Он выкрикивал отчетливые немецкие фразы, прикладывая руку ко рту, чтобы яснее услышали его в доме. Обезумелые вопли впереди стали затухать. И видно было, как в нависшей звоном сжатой тишине возникли, появились пятна голов среди проемов нижних окон. Потом там раздались команды, визгливо вскрикнули несколько голосов, и тогда через мгновение неуверенно и робко полоснул белым на солнце опущенный из окна мансарды лоскуток.

— Ну! Все! Молодец ваш ангел! — задышал жарким табачным перегаром в ухо Никитина Перлин и вторично с нерассчитанной силой ударил его ракетницей по локтю. — Моло...

Никитин не успел раздражиться на грубую радость Перлина, не расслышал смятое проглоченное слово, крикнутое в ухо. Он увидел то, что еще не видел, вероятно, Княжко (потому что тот по-прежнему спокойно шел к дому): в верхнем этаже, в разбитом окне мансарды исчез, растаял белый лоскуток, и на миг зачернел, высунулся силуэт головы, кругло очерченной каскеткой, отпрянул в сторону, и нечеловеческий задохнувшийся крик глухо прокатился в глубине мансарды, и в ту же секунду невозможно длительным обвалом прогремел по поляне выстрел орудия — и все оборвалось там, на краю разверстой черной пустотой пропасти, затянутой дымом, точно ничего не было за ним.

Но этот обвал и белые вспышки автоматной очереди из окна мансарды, где кругло темнел силуэт каскетки, как будто толкнули в грудь Княжко, он сделал шаг назад, внезапно споткнулся и сделал шаг вперед, странно и тихо упал на колени, закинув голову, отчего свалилась с головы щегольски аккуратная маленькая пилотка, открыв светлые, всегда аккуратно причесанные на пробор его волосы, жестом невыносимой усталости провел носовым платком по лицу и, словно еще пытаясь оглянуться на орудие, в последний раз увидеть позади что-то, вдруг, уронив голову, повалился грудью в траву, едва различимый на середине сияющей под горячим солнцем поляны.

— Подарочек нам сделали! Угробили! Нашего лейтенанта угробили, сволочи!

«Что? Это голос Меженина? Он стрелял из орудия? Зачем? Княжко? Андрей? Неужели Андрей? Неужели он? Неужели это случилось? Это залегшая пехота? Перлин? Здесь? После самоходок? Сегодня? Сейчас? После того, как выбросили флаг о сдаче? Стреляли из мансарды? Ранен? Убит? В бою с мальчишками? Какие мальчишки? Кто-то кричал в доме! Зачем он пошел? Перлин? Что кричит Перлин? Что с расчетом? Где расчет? Где снаряды? Снаряды! Снаряды! Разгромить, уничтожить, сжечь этот дом! И туда, к Андрею, к Андрею! Я знаю, что он не убит! Нет, очередь в упор! В грудь или в голову? Снаряды! Снаряды!»

Крича что-то обезумелое, бешеное, проталкивая хрипом железный комок в горле, не слыша своего голоса и голосов людей, не видя их мотающихся за орудием белых лиц, Никитин, потеряв себя, всю нужную выдержку, с заслоненным темнотой сознанием, чувствовал, как содрогалось от выстрелов орудие, как что-то косматое и огненное рвалось, разлеталось кусками бревен впереди, как дым, подкрашенный красным смерчем, выталкивался из разво-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—19.

роченных окон мансарды, сплошь зияющей по крыше дырами, откуда сломанными ребрами торчали оголенные стропила под осыпавшейся черепицей,— и не мог опомниться, сразу очнуться даже тогда, когда чья-то рука захватом стиснула его сжатые в кулак пальцы, которыми он во время команд бессознательно бил по стволу сосны, ободрав, изранив их в кровь. Меженин стоял перед ним весь потный, черный от газовой копоти, одни глаза воспаленно краснели из очерненных гарью ресниц, отрезвляюще стискивал его кисть, говорил угрюмо и тихо:

— Снаряды кончились, лейтенант. Ни одного выстрела. Пошли туда.

— Что? Кончились? — не дошло до Никитина сквозь темную пелену, окутавшую сознание.— Как кончились? Убит? Княжко убит?

Он дрожал, ноги у него подгибались.

— Пошли, лейтенант, — повторил Меженин и, опустив глаза, медленно двинулся куда-то в отяжеленную сумеречную тишину поляны, заполненной дымом пожара...

«Снаряды кончились? Там Андрей... К Андрею! Убит? Убит?..»

На поляне, впереди за дымом, в жарком безмолвии без единого выстрела извивалось пламя, горело лесничество, справа и слева от пожара звучали весело-злые голоса пехоты, видимо, обрадованной своему завершенному броску к дому, нереальные осколочные звуки существ с другой планеты, не понимающих, что случилось, никогда не поймущих того, что случилось сейчас в мире. А там, перед лесничеством, на поляне, уже несколько минут лежал Княжко, опрокинутый огнем автоматной очереди в упор, и вокруг него уже витало безвозвратно короткое и беспощадно тупое слово «убит».

«Княжко убит? Андрей убит? Да это невозможно. Это ложь! Это ошибка! Кого угодно могло убить, только не его! Только не его!»

Мутная пелена покрывала сознание Никитина, и он еще не очнулся, не пришел в себя, когда шатко, как против течения, подошел и неясно увидел сначала не лицо, а тело Княжко в том неловком положении с подогнутой головой к руке, притиснувшей к груди окровавленный платок, будто скрывал, загораживал от людских глаз тот удар, который нанесла ему смерть. И зачем-то Перлин, этот командир роты, сохранявший своих людей около проклятого лесничества, в старой и нелепой «заговоренной» плащ-палатке, сидел на корточках, расширяя сбавленным дыханием ноздри неприятно приплюснутого носа. Тихонько вынул он из безжизненной руки Княжко платок, окрашенный цветом гибели, старательно ощупал его грудь крепкими куцыми пальцами и, обтерев пальцы о траву, поднял на Никитина угольные, по-собачьи виноватые глаза и отвел их вкось. Низкорослый, сильный, как сама жизнь, он привстал, закряхтел, сказал, кажется, умеряя насколько можно огрубевший от пехотных команд голос: «Двумя пулями сразу... около сердца»,— и Никитин при виде беспомощной позы Княжко, платка на траве, чувствуя, что может ударить Перлина, эту саму жизнь, сохраненную в грубой оболочке плоского лица, этого вдавленного посередине носа, луженого баса, крикнул со злобой и ненавистью:

— Слушайте вы, старший лейтенант! Снимайте ко всем чертям свою заколдованную плащ-палатку! Его надо на плащ-палатку... Быстро, говорят вам!

И с колотившей все тело дрожью наклонился к голове Княжко, осторожно, двумя руками повернул его лицо, бледное, забрызганное кровью, отрешенно спокойное и до непонятности юное, какого никогда не видел. И почувствовал, как что-то душит его, застревает в горле, что он сейчас заплачет или засмеется от тоскливой боли, от несправедливости того, что свершилось, от отчаянной утраты самого себя.

Это выражение на мертвом лице Княжко ничего не имело общего с тем выражением аскетической спокойной воли, которое подчиняло ему людей, оно было обращено в увиденное им в последний миг мирное прошлое — с иными, бывшими когда-то тихими обязанностями, с шуршанием книг, с дымящимся после дождя асфальтом возле школы, к тому детскому, ясному, забытому на войне и Княжко и им, Никитиным, как забыт был и голос матери. Но

Княжко редко говорил о прошлом, и это мальчишеское выражение придавали его лицу, наверно, светлые волосы, неизменно зачесанные на официально взрослый пробор, а теперь косым уголком сбитые на бледный висок, сбитые, видимо, в тот момент, когда, обожженный очередью в грудь, он упал на колени, для чего-то платком проведя по лицу.

— Товарищ лейтенант...

«Что? Кто? Зачем это меня зовут? Кто это? Меженин?»

— Товарищ лейтенант... Комбат приехал...

«Комбат? Откуда приехал? Какой комбат?»

Вокруг сгрудился расчет орудия, подавленно-угрюмые, молчаливые люди, незнакомо притихшие близ дохнувшей смерти, в не просохших еще гимнастерках, грязь размыта потеками пота на щеках, маленький наводчик Таткин ненужно мял у живота пилотку, в вытянутой шее, немигающих глазах Ушатикова застыло удивление перед тем, что всегда непонятно было разуму (ведь еще команды лейтенанта в ушах звучали, еще помнилось, как он, живой, гибкий и здоровый, с платком по поляне шел), а Меженин и этот пехотинец Перлин уже расстилали плащ-палатку, и Меженин с мрачной и бессмысленной аккуратностью все расправлял ее по траве, выпрямлял уголки, словно озабоченный тем, чтобы Княжко на ней удобно было. И это он говорил, разминая плащ-палатку, не глядя на Никитина:

— Комбат приехал, товарищ лейтенант.

— Кладите его,— сказал вполголоса Никитин.— Кладите на плащ-палатку. Понесем к орудию.

«Что я скажу Гранатурову? Рассказывать, как случилось? Повторять весь бой? Странно — Гранатуров и Княжко не были друзьями,— подумал вяло Никитин, как о чем-то лишнем, сложном, ненужном сейчас, отвлекающем в сторону от немыслимой и страшной простоты.— Да, да, Гранатуров жив, а Княжко убит...»

И Никитин посмотрел туда, куда не хотелось ему смотреть.

Да, он все-таки не выдержал, не высидел в медсанбате и приехал, не зная о конце боя, старший лейтенант Гранатуров, как приезжал в район Zoo и вчера ночью в батарею. Его роскошный трофейный «мерседес», неделю назад взятый на улицах Берлина, игрушечно поблескивал светлым лаком и стеклами в конце поляны, где начиналась, вероятно, лесная дорога, метрах в пятидесяти за позицией орудия. И сам Гранатуров, вылезший из машины, огромный, с толстой в бинтах кистью на марлевой перевязи, крупными шагами шел сюда, к замеченной им издали группе людей на поляне. И тут следом за комбатом вылезла из «мерседеса» Галя, захлопнула дверцу, сказав что-то шоферу, оправила пилотку на черных волосах и, по обыкновению строгая, тоже пошла к поляне позади Гранатурова, догоняя его.

«Она зачем? Почему он не один?» — мелькнуло в голове Никитина, и чугунная, болезненная тоска сдавила его всего.

И чем ближе они подходили, тем четче он различал их лица: смуглое, с длинными косыми бачками Гранатурова, напряженное, нацеленное чрезмерным вниманием в толпу солдат, и тонкое, сразу ставшее чужим, преображенным лицо Гали, поднятое в ожидании страха и муки.

Вглядываясь и не найдя среди солдат знакомую фигуру Княжко, она, наверное, особым женским чутьем мигом ощутила что-то неладное, случившееся здесь — и видно было, как она ускорила шаги, прижимая, будто в удушье, одну руку к горлу. И Никитин медленно встал, стискивая зубы.

— Где Княжко? Где Княжко? — закричал Гранатуров, подбегая к раздавшейся толпе солдат, темные глаза его изумленно выкатились, он, видимо, не предполагал увидеть то, что увидел отчетливо и реально, рот его по-львиному раскрывался, и он обрывисто повторял:— Почему Княжко? Почему Княжко? Каким образом? Ты что молчишь, Никитин? Как это случилось? Здесь? Насмерть?

— Потом комбат, ради бога...

Никитин еще выговорил это, не узнавая собственного, перетянутого железной петлей голоса. В то мгновение он не знал, что может ответить Гранатурову, и не знал, что может ответить Гале, уже подошедшей к краю плащ-палатки и как-то нетвердо, с прижатой к горлу рукой остановившейся перед изголовьем Княжко. Никогда в жизни он не видел такой мраморной белизны лица, такой смертельной неподвижности в блестящих сухостью глазах, такой вороненой черноты волос из-под пилотки, крылом закрывшей белизну ее щеки. Рядом вместо Никитина сержант Меженин нехотя и хмуро рассказывал Гранатурову, потребовавшему объяснений, подробности последних минут жизни лейтенанта Княжко, до автоматной очереди из окна мансарды, а Галя, не размыкая бескровных губ, не задав ни одного вопроса, все омертвело молчала; она не слышала ничего, неузнаваемая в своей закованной стылости, глядела на планшет, на кобуру пистолета, снятые с Княжко, которые держал Меженин как доказательство его гибели. Потом судорога внутренней муки прошла по ее губам, и она со стоном опустилась на колени у изголовья Княжко, мелко дрожащими пальцами потрогала его измазанный кровью лоб (зачем в момент смерти он вытер его платком?), пощупала то место на груди, куда вошли пули, и отклонилась, выпрямилась, не подымаясь с колен, с зажмуренными веками, подставив лицо чему-то бесповоротно настигшему ее, непоправимо и окончательно понятому ею.

— Галя...— хотел позвать Никитин, но голос не подчинялся ему, и он, кривясь, лишь останавливающе толкнул в плечо Меженина.

Меженин замолк на полуслове, из-за плеча мутно покосился на Галю, и Гранатуров и Перлин одновременно повернули головы по направлению сумрачного взгляда сержанта. Перлин, раздавленный случившимся и присутствием здесь женщины, этого молчаливого младшего лейтенанта медицинской службы, потерянно замялся, перханьем прочистил горло, спросил сипящим шепотом Меженина:

— Она кто?.. Его пэпэжэ, что ли?

— Молча-а-ать! Заткнись! — заорал разъяренно Гранатуров, нависая гигантской фигурой над низкорослым Перлиным, и рубанул здоровой правой рукой возле его откачнувшегося плоского лица.— Молчать, твое дело телячье здесь! Молчать! Ясно? — Он обернулся к горящему лесничеству.— Подлецы! Шант-рапа фрицевская! Он к ним, чтобы кровь не проливать, чтобы их спасти, шел, а они, гадюки, по нему выстрелили! А! Вот они, сосунки, вот они! А ну-ка, хочу на них посмотреть, что это за вояки! А ну, пехота! Чего глаза лупишь? Прикажи подвести их сюда! Мигом!

От лесничества, охваченного жадными извивами огня по всему первому этажу, от горящих построек, густо замгленных дымом, где протяжно, с натугой мычала, по-видимому, раненая и задыхавшаяся в пристройке корова, приближалась группа людей, разношерстно одетых в немецкие мундиры, военные рубахи, в гражданские пиджаки, сбитая в тесную кучу группа пленных, сдавшихся во время атаки пехоты. Группу эту конвоировали двое солдат, сплошь увешанные трофейными автоматами; оба вопросительно оглядывались на молоденького младшего лейтенанта Лаврентьева, который, подгоняя пленных командой и взмахами пистолета, воинственно и споро шагал сбоку строя: «Vorwärts! Schnell!..» [1]

— А ну-ка, старший лейтенант, давай их сюда! Заверни их сюда, мерзавцев! — приказал Гранатуров Перлину и в злом нетерпении, не ожидая его распоряжения, крикнул пехотному младшему лейтенанту: — Эй, кто там! Офицер! Подведи сюда пленных! Бегом!

Младший лейтенант Лаврентьев что-то сказал конвоирам, те забегали вокруг пленных, тыча вправо дулами автоматов, закричали: «Шнель, шнель, фрицы!» — и кучка людей хаотичным стадом заколыхалась, задвигалась теперь быстрее, повернутая на поляну вправо. Лаврентьев обогнал пленных и, возбужденный боем, с яблочно-розовыми пятнами на щеках, юный, лопоухий, первый подбежал легонькой рысью, выпрямил ладонь у виска, вытянулся и запнулся на докладе, увидев Перлина, незнакомого старшего лейтенанта около него и группу артиллеристов со снятыми с потных голов пилотками.

— Товарищ старший лейтенант...

— Тебе что, есть о чем ему докладывать? — обрезал Гранатуров и, кивком указав на Перлина, шагнул к подходившей группе пленных, весь передергиваясь.— Стой! Хальт! Так вот вы какие! Решили насмерть драться? В конце войны? По безоружным русским офицерам стрелять? А ну-ка, посмотрю я на вас!

Пленные, остановленные криком Гранатурова и конвоирами, скопились еще теснее в темную кучу, измазанные пороховой гарью, изможденные лица грязно лоснились, десяток глаз, опаленных страхом, остекленело глядели на двухметровую фигуру Гранатурова, выросшую перед ними; рот его парально перекашивало.

— Так что ж вы, ферфлюхтер, сыкуны гитлеровские, ночные горшки автоматами заменили! Стрелять захотели? — выговорил угрожающе Гранатуров, вонзаясь в лица немцев шальными, без зрачков глазами.

И тогда чей-то мальчишеский тоненький голос взвизгнул, всхлипывая, заплакал в середине строя, но тотчас другой голос из гущи сгрудившихся тел начальственно-резко прокричал что-то, прерывая этот всхлипнувший звук, разом возникло испуганное движение головами, и тут Гранатуров, растолкав первую шеренгу пленных, матерясь, выволок из толпы ширококостно квадратного, бородатого немца в вермахтовском изможденном пылью мундире и зеленой каскетке; правый погон его был оторван, косо свисал на плече, его пронзительный взгляд, вздернутый вызовом ненависти, заметался, как в буйном безумии, губы ломались, чернели в густоте бороды, роняя под ноги Гранатурову сгустки змеями шипящих слов:

— Russisches Schwein!.. Alle sind Schweine. Iwan... Schweinedreck! [2] — И по-строевому круто поворачиваясь к безмолвной толпе пленных, еще произнес какую-то презрительную, оборванную гневным смехом фразу.

Это был выплеск, бессмысленное действие разрушенной последней силы и последнего бессилия, этот смех и жаркий огонек безумства, казалось, нервным током ударили всех. Меженин, вприщур, быстро глянув на немца, вздутыми бугорками перекатил желваки на подтянутых скулах, Гранатуров же изо всей силы за плечо рванул к себе бородатого немца, волчком крутанул его, ставя лицом к

[1] Вперед! Живо!..

[2] — Русская свинья!.. Все свиньи... Дерьмо свинячье!

БОЙ НА

к 30-летию Победы

Недавно мне довелось пережить волнующие минуты... Шел фильм «Зима и весна сорок пятого». Всматриваюсь в документальные кинокадры и вдруг вижу — на экране мои однополчане — бойцы и командиры 4-го гвардейского мотоциклетного полка! Ни в одной книге я не встречал ни строчки о его боевом пути. Конечно, полков было так много... Но наш полк заслуживает особого рассказа. Он освобождал пять стран, много раз прорывался в тылы врага и совершал рейды на 100—200 километров за линию фронта. На его знамени орден Александра Невского.

Я хочу рассказать лишь об одном эпизоде последних дней войны. В апреле наш полк подходил к Вене с запада. Пройдя дугой по тылам гитлеровцев, мы продвигались навстречу наступавшим частям 3-го Украинского фронта. В нашем головном отряде — три легких танка и около сотни автоматчиков на мотоциклах.

К австрийской столице подходили в сумерках. Гитлеровцы явно не ждали нас с этой стороны. На шоссе — ни души, только редкие патрули разбегались при нашем появлении. Но вот из боковой улицы выехала колонна грузовиков и

своему лицу, и, когда немец опять выхрипнул непонятную, захлебнувшуюся злобой фразу, увидел Никитин сухие и неподвижные глаза Гали, устремленные на толпу пленных.

— И таких бородатых брали в плен? Либералы! Ох, так вашу перетак, добренькие мы как-кие! — засмеялся Гранатуров тем смехом, которым смеялся только что немец, и левая, забинтованная его рука на перевязи угловато запрыгала вверх, а правая с яростной неудержимостью искала, хватала из-под вскинутой левой руки потертую кобуру пистолета, расстегивала неподатливую кнопку.— Таких? В плен? Чтоб они размножались? Чтоб жили? — говорил он, трудно дыша, отступая на два шага назад.— На плен надеются? На плен? Не-ет! Да я тебе, бородатая сволочь, за Княжко!.. А ну! — крикнул он, ринувшись к Гале, и, оскаливаясь, взбешенно втолкнул ей в руку пистолет.— К черту его! К черту! Я разрешаю! На тот свет! Стреляй в него, стреляй! Стреляй, я тебе приказываю! За Княжко! За Княжко!.. Стреляй!..

У нее вдруг, как от беззвучных подкатывающих рыданий, колыхнулась острая под гимнастеркой грудь, разительно черное крыло волос дернулось на ее мраморной щеке, и передние немцы, тупо глядевшие на ее аккуратно начищенные сапожки, на ее колени, еще не всё понимая, впаялись обморочным вниманием в ее пальцы: пистолет колебался в них неимоверной тяжестью поднятого смертельного камня.

Никто из пленных не успел, наверное, в ту минуту осознать, что эта русская фрейлейн с узким красивым лицом и сухими, никого не видящими глазами может сделать какое-то насилие над ними, может выстрелить, и крайний справа, худенький, светловолосый мальчик, в разорванном на локте мундире, совсем по-детски заискивающе и жалко попробовал поймать ее взгляд, робко улыбнуться ей, принимая лишь игру, в которую недавно играл и сам... И Никитин, тоже не поверив, что она выстрелит сейчас, неожиданно увидел, как она без кровинки в лице, кусанием бескровных губ подавляя невылитые слезы, сотрясавшие ее, так судорожно, так неумело поспешно нажала на спусковой крючок, что пистолет, грохнув выстрелом, живым комком выскользнул из ее пальцев. Она выронила его, хватаясь за висок, мотая головой, простонала: «Господи! Зачем же это?..»

Она явно промахнулась. Бородатый немец, оцепенело отвалив заросшую челюсть, отшатнулся вбок, пленные шарахнулись назад, давя друг друга. Передние взвизгнули предсмертным взвизгом, задние ошеломленно завыли вязким нечеловеческим воем гибели, какой полоснул Никитина по слуху при стрельбе орудия по окнам дома. И тот крайний справа, что пробовал робко улыбнуться, светловолосый, самый молодой, защищаясь, выставил вперед ладони, грязно-коричневые, испачканные землей, плача навзрыд в лихорадочном страхе: «Эсэс! Эсэс!» — и при этом ладонями ослабленно бил по спине отпрянувшего в его сторону бородатого немца.

— Ах, значит, ты, подлюга, стрелял? — И Меженин прыжком подскочил к бородатому немцу, упором воткнул ствол автомата ему в живот.— Ты, эсэсовская падаль, убил Княжко? Ты, ты, гадюка, из мансарды стрелял?

Он с такой мстительной силой ткнул стволом автомата бородатого немца под ложечку, что тот завалился назад, потерял равновесие, а когда попятился он, закричав что-то млеющим голосом, Меженин рывком вскинул автомат, прицельно и остро прищурясь:

— Так нá тебе, падло, ответную!..

Короткая очередь в упор отбросила немца метра на три, зачернел задранный к небу заросший подбородок, слетела с головы каскетка, и, цепляясь сумасшедшим взглядом за воздух, немец упал спиной в траву, дугой выгибая там коренастое тело, тягуче мыча, кашляя на бороду алыми фонтанчиками крови. Вопль ужаса прокатился по толпе пленных, кто-то отчаянно зарыдал в голос:

— Nein! Nein! Nein!..

— А-а! И вы с ним, курвы!— Меженин, по-пьяному широко расставляя подсекающиеся в траве ноги, чтобы не упасть, развернулся с автоматом наизготове к пленным, жадным вдохом всосал воздух.— А-а! Клопы гитлеровские! Всех вас! Всех!..

И Никитин, растерянный, оглушенный воплем беззащитной толпы, с единственно ясным желанием остановить, прекратить это неожиданное кровавое безумие, охватившее всех, рванулся к Меженину, сзади кулаком ударил по стволу автомата и вырвал у него автомат, повторяя одно и то же:

— Стой, стой!.. Я тебе приказываю. Стой!..

— Ж-жалеешь? — прохрипел Меженин, пьяно облизывая липкую пену в краях рта.— Их жалеешь? А Княжко, Княжко не жалеешь? Добренький ты у нас, лейтенант!

— Никитин! Давай за Галей! — скомандовал Гранатуров тоном неохлажденной злобы.— Отведи ее в машину! Беги за ней! Что смотришь, как Исус Христос? Быстро за Галей!

И Никитин понял, что ему не убедить ни Гранатурова, ни Меженина, что ему не хватает сейчас внушительной и резкой воли, непреклонной воли Княжко, и, дрожа в бессилии, с ненавистью к своей слабости, он внезапно выговорил свинцовыми губами:

— Если расстреляете пленных, комбат, ответите перед трибуналом! Я этого не забуду... никогда... Лучше уезжайте в госпиталь, слышите?

И пошел по поляне, которая ныряла, покачивалась под ним, бросая его из стороны в сторону, точно ноги не слушались, потеряли твердость земли.

Он нашел Галю на огневой позиции. Она сидела одна под щитом орудия на станине, вся съежась, опустив лицо в ладони, и он сел рядом. Она тряслась, стонала, вскрикивала в освобожденной тоске неудержимых глухих рыданий. Ее пальцы, закрывавшие лицо, были измазаны кровью Княжко, и сквозь них просачивались розоватые капельки слез, стекали по ее тонким, нежным запястьям в рукава гимнастерки.

— Галя... — безголосым шепотом позвал Никитин.

Она молчала.

— Галя,— повторил Никитин растерянно.— Я прошу вас...

«О чем я ее прошу? Что я говорю?..»

Она отняла руки от влажных щек, исказив черные брови, посмотрела на него с таким брезгливым отвращением, как если бы увидела раздавленную мокрицу на его лице.

— Трусы,—прошептала она, заглатывая злые рыдания.— Все вы... он был лучший... лучший из вас!.. Никто из вас... только он, он один погиб!.. О, как я вас всех ненавижу! — И окровавленными пальцами охватив горло и душá, задавливая слезы, вскочила и, наклонясь вперед, пошла, побежала к машине, а он сидел на станине, вжимая в казенник грудь, где комком заледенело, застряло что-то тупое и жестокое, мешающее ему дышать.

«Только он... он один!..»

Было тихо. Горько и кисло пахло порохом и стреляными гильзами. Потрескивая, скатывалась черепица с пылающей кровли. Горело лесничество на поляне. Оттуда медленно продвигалась группа людей: в сторону орудия несли на плащ-палатке тело Княжко, и поодаль от этой группы солдат безмолвно колыхалась толпа пленных, подгоняемая конвоирами.

Позади молча шли Меженин и Гранатуров.

Продолжение следует в № 22.

ВЕНСКОЙ ПЛОЩАДИ

двинулась параллельно нашей... Немцы!

Нас разделяли два-три метра. Несмотря на темень, мы хорошо видели фигуры гитлеровских солдат. Томительно тянулись минуты. Очевидно, командир нашего отряда имел задачу не ввязываться в бои. Фашисты тоже не проявляли активности. Так обе колонны выехали на площадь.

Гулко прозвучала пулеметная очередь. До сих пор не знаю, являлась ли она сигналом к бою или у кого-то не выдержали нервы. Скоротечным и яростным был бой на венской площади. Ведь стреляли почти в упор. Яркое пламя взметнулось над вражескими машинами. Уцелевшие сворачивали в боковые улицы. Колонна была разгромлена, но шум боя выдал нас. Еще не подошли главные силы полка, а мы оказались блокированными вблизи центра города. Два танка, посланные на связь с полком, не возвращались... Мы заняли круговую оборону, изготовились к отражению атаки. В это время вернулся разведчик Шаугулидзе и стал что-то энергично доказывать командиру. Как выяснилось, он нашел путь из окружения.

Пройдя дворами, наш единственный танк вышел во фланг десяти немецким бронетранспортерам. Хлестко ударила пушка. Автоматчики поддержали ее шквальным огнем. Загорелся головной бронетранспортер. Танковая пушка теперь расстреливала замыкающий. Гитлеровцы оказались в ловушке. А когда начали взрываться боезапасы в центре колонны, фашисты ударились в бегство.

Почти всю ночь горели немецкие бронетранспортеры. Отблески пламени освещали венскую площадь. Атаковать нас гитлеровцы уже не решались. Утром подошли главные силы полка. Соединившись, мы обрушились на немецкие позиции в центре города.

Тридцать лет назад на улицах Вены я потерял двух фронтовых друзей. Смертью храбрых погиб в этих боях Петя Зубченко, которому не было и двадцати лет. С тяжелым ранением был увезен в госпиталь Казимир Висленский. Выжил ли он тогда? Надеюсь, что откликнутся мои однополчане. Пусть напишут мне, бывшему рядовому Е. Н. Баскакову, в город Новосибирск, ул. Трикотажная, дом 60/3, кв. 35.

БЫЛИ ДВА ДРУГА

Так начиналась известная фронтовая песня о бойцах, служивших в одном полку. А вот бывшим разведчикам М. Я. Данилову и В. И. Алябьеву не пришлось служить вместе. Каждый из них совершал свои ратные подвиги на своем участке фронта.

Были, конечно, и неудачи. Особенно поначалу. Когда Васю Алябьева впервые послали в группе разведчиков в тыл врага за «языком», ему шел лишь восемнадцатый год. Встретившись лицом к лицу с противником, кто-то из молодых растерялся, бросил гранату, убив сразу трех немцев наповал. Так и пришлось вернуться в этот раз без «языка». Время шло, молодые разведчики мужали и уже подобных промахов не совершали. За два года работы в разведке при участии Алябьева было взято тридцать два «языка».

Немало подвигов совершило и отделение разведчиков старшего сержанта Данилова.

А когда война окончилась, судьба свела двух бывших разведчиков вместе. Оба они пришли на Калининградский судоремонтный завод в один цех. Здесь они и подружились, здесь уже совместно совершают свой трудовой подвиг. Оба возглавляют бригады коммунистического труда, стали инициаторами соревнования под девизом «План девятой пятилетки — к 30-летию Победы!»

И. Кондратенко

Калининград.

СКАЗАНИЕ О СВИРЦАХ

Поэма

Владимир ФЕДОРОВ

Владимир Иванович Федоров семнадцатилетним юношей добровольно ушел на фронт. Артиллеристом в составе 100-й Свирской краснознаменной гвардейской дивизии участвовал он в освобождений Советской Карелии, Венгрии, Австрии и Чехословакии.

Широко известны его книги «Сумка, полная сердец», «Марс над Козачьим Бором», «Есть вечная любовь» и другие.

Печатая новую поэму Владимира Фёдорова «Сказание о Свирцах», «Огонек» сердечно поздравляет поэта с пятидесятилетним юбилеем.

●

Я помню: в берег била, била
Крутая свирская волна.
Я помню: это было, было,
В лесу таилась наша сила.
Ночь. Сосны. Глыба валуна.

Светло как днем.
Сталь автомата.
Тревожный шепоток берез.
У пушки сладко спят ребята,
А мох седой озяб от рос.

Спят москвичи, спят украинцы,
К сибирякам плывет Сибирь.
А за березами струится
Еще неведомая Свирь.

А в памяти мелькают тени.
И тишь.
Не слышно голосов.
А в памяти — толпа видений
Средь глухо шепчущих лесов.

Волна несет меня куда-то
В немую топь дремучих чащ...
Нам было столько лет, ребята,
Как вам сейчас,
Как вам сейчас.

●

Парни надежные, где вы ныне?
Вас я зову через тридцать
лет.
Вас, на кого я писал
наградные,
Но не как писарь, а как поэт.
В сбитых ботинках,
в линялых пилотках,
В серых халатах, на костылях
Вы убегали в родную «Сотку»,
Лежать не желая
в госпиталях.

Вспомним гремучий удар
богатырский,
Пустошь в огне,
под Карельской — бои...
Где вы, ребята
из Сотой Свирской,
Парни мои, побратимы мои?

●

Травы, травы,
горькие на вкус вы.
Земляника алая, как кровь...
Мы тебя штурмуем,
Самбатукса,
Сквозь золу чудовищных
костров.

Отыграли ярые «катюши»,
И рванулись парни.
Нет, не зря
Стервенеют вражеские души.
Так и лупят мины:
«кря» да «кря».

Раненые стонут.
Бьет проклятый,
Метит в медсанротовский
сарай.

Встал Мурат Карданов.
Где ж гранаты?
Ротный умер...
Хлопцев поднимай.

●

Из непролазной топи,
Где валуны да мох,
Встань,
Кто упал в окопе,
Кто доползти не смог...

Где вы, бойцы лесные?
Слышите птичий гам?
Погодки мои, и поныне
По восемнадцать вам.

Отчаянные ребята!
Не солнце их грело — тол.
Встань,
Кто с последней гранатой
Напропалую шел...

●

Нас с каждым годом убывает.
Нет, нас не пули убивают,
А сны с кошмарами
Да раны старые.

Нас с каждым годом убывает.
Фронтовики не забывают
Страду военную,
Все сокровенное...

Ты с головы срываешь каску,
Глядишь на мир в весенних
красках;
На флаги красные,
На небо ясное.
Мой друг, да это ж юность
наша!
Где котелок горелой каши,
Ложка ядреная,
Тобой даренная?

Мой друг, не прячь свои
медали.
Давай споем: «Мы Вену
взяли...»
Шла в синь альпийскую
Сотая Свирская.

Как передать резцом и кистью
Конец войны, последний
выстрел,
Радость пьянящую,
Боль бередящую?

Нет, не дымок горелой каши,
А думы наши, чувства наши,
Дух поколения
Всех нас нетленнее.

●

А в памяти мелькают тени.
И тишь.
Не слышно голосов.
А в памяти — толпа видений
Средь глухо шепчущих лесов.

Волна несет меня куда-то
В немую топь дремучих чащ.
Нам было столько лет, ребята,
Как вам сейчас,
Как вам сейчас.

На нас топорщились шинели.
Мы возмужали к двадцати.
Любить хотели,
Жить хотели,
Сумели Родину спасти.

●

Годы растаяли, словно ракеты.
...Щеки влажнели от слез.
Наш запевала Виталий Извеков
Знамя дивизии нес.

Шел моложавый,
кудрявый полковник,
Знамя гвардейское нес.

Где наша «Сотка», товарищ
мой кровный?
Сколько друзей собралось?

●

Венки, венки несут герои.
Могилы. Белые стволы.
Суров Карданов, хмур Калоев,
Печальны горные орлы.

Да будет легендарным время,
Что поступь свирцев сохранит!
Десантное родное племя
Навеки врезано в гранит.

Со всей страны
Орлы слетались —
Все, все, кто мог
И кто не мог.

Есть в мире честь,
Есть в мире смелость! —
Здесь песня юности
пропелась,
Родимый ткацкий городок.

Пусть, наши дети, будет свято
Вам то гнездовье, наша часть!
Нам было столько лет, ребята,
Как вам сейчас,
Как вам сейчас.

Не тополя стоят над лугом —
За взводом взвод, за взводом
взвод.
Так передайте нашим внукам
Быль, что быльем не
зарастет!

Священный факел
Взял наш Щукин
И в онемевшем городке
Зажег Огонь.
Не пламень, внуки,
В его протянутой руке,
А сердце,
Сердце человека,
Что светит нам
из смертной тьмы.

Мне чудится живой Хабеков,
Живой Умар.
Безмолвны мы.

●

Умар...
Он спит в далекой Вене,
А сердце в Раменском горит.
На юге рвется Терек в пене,
Бурлит и бьется о гранит.

Война о скалы била, била.
Ночь. Сосны. Глыба валуна.
Я помню: это было, было.
Мужайтесь, свирцы!
Нас вспоила
Крутая свирская волна.

Лодейное Поле — Вена — Москва. 1944—1974

Печатается в сокращении.

«Прочный мир, свобода народов — немеркнущий идеал, который вдохновлял героев борьбы против фашизма и который вдохновляет нас. Сделаем же все, чтобы этот идеал стал непреложным законом жизни человечества».

Из Обращения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, правительства Советского Союза к народам, парламентам и правительствам

Филип БОНОСКИ, США

ВОДОРАЗДЕЛ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Среди нас живет еще немало людей, которые предпочитают не вспоминать о второй мировой войне и ее итогах. Огненные годы, ставшие беспримерным испытанием для миллионов на передовой и в тылу, для их детей и внуков — уже страница в учебнике истории.

Новые поколения не представляют себе, чем, в сущности, была война, поэтому кто-то должен рассказать о ней. Вот тут-то, среди очевидцев великих событий, и разгорается своеобразная борьба, исход которой имеет немаловажное значение. Ведь речь идет не о том, чтобы сохранить в целости старый памятник! Речь о том, чтобы понять, за что боролись те, кто ценой огромных жертв воздвиг этот памятник, о том, как предотвратить новые войны.

Тридцать лет спустя кое-кто пытается переоценить итоги войны на свой лад... Орудия замолчали, но в бой пошли перья. И не секрет, что есть силы, пытающиеся очернить достигнутое, очернить то дело, за которое миллионы людей отдали свои жизни. Позволено будет спросить: зачем?

1941—1945 годы знаменуют собой величайший водораздел в мировой истории. Когда 22 июня 1941 года фашистские орды напали на Советский Союз, они ставили себе целью не только захват чужих территорий. Намерения захватчиков были шире. Те, кто развязал войну, стремились в первую очередь уничтожить, а затем выжечь навсегда из людской памяти завоевания социализма — системы, ликвидировавшей эксплуатацию человека человеком; на веки вечные оставить мир в руках международного империализма.

Надежды всех трудящихся, всего прогрессивного человечества, пробуждающихся и еще не пробудившихся строителей нового мира были устремлены к Советскому Союзу, у всех был на устах один вопрос: смогут ли граждане этого нового государства, Союза Советских Социалистических Республик, отстоять свой строй ценою крови и самой жизни?

От ответа на этот вопрос зависело все и прежде всего судьба нового мира. В те дни не было недостатка в «пророках», пытавшихся доказать, что новый общественный строй в России слишком слаб для того, чтобы защитить себя, что прожившие более двух десятилетий на положении осажденных, рабочие и крестьяне Советского Союза не окажут или не смогут оказать необходимое сопротивление агрессору.

В те первые дни фашистской агрессии, когда нацистский вермахт продвигался к Ленинграду, Москве и Харькову, малодушные уже готовы были поверить, что отмеченный свастикой дьявол, все разрушающий и сжигающий на своем пути, несомненно, одержит верх над миролюбивым народом, столкнувшимся со столь грубой и безжалостной силой.

Именно тогда военные и политические «пророки» в капиталистическом мире безапелляционно предрекали, что Советский Союз «развалится за шесть недель», не устоит перед гитлеровским «блицкригом», уже пронесшимся, подобно урагану, над Бельгией, Францией и Польшей. Это было до того, как японцы атаковали американский флот в Пирл-Харборе, и в определенных кругах Запада еще втайне надеялись, что противники «обескровят друг друга». Впрочем, не так уж втайне: тогдашний сенатор Гарри Трумэн, не делавший секрета из того, каким бы он желал видеть развитие событий, позволил себе выступить публично с примечательным заявлением: «Если мы увидим, что побеждают немцы — мы поможем русским, если инициативу захватят русские — мы поддержим Германию».

По существу, такая политика, столь откровенно изложенная Трумэном, продолжала играть свою грязную роль и в ходе последующих событий. И хотя железная логика войны привела Англию и США к военному союзу с жертвами агрессии, надежда на то, что главные противники будут обескровлены, никогда не исчезала полностью в вышеупомянутых кругах.

Лишь в 1944 году был открыт второй фронт. Уставшие ждать войска были переброшены через двадцатидвухмильный пролив, отделявший Англию от Франции...

...Мы вспоминаем об этом не для того, чтобы сыпать соль на старые раны или сеять неприязнь между бывшими союзниками. Мы говорим об этом потому, что нельзя оставаться равнодушным к делающимся на наших глазах попыткам исказить историческую правду во имя корыстных целей отдельных людей.

Прошло тридцать лет. И как ни горько это сознавать, все еще не перевелись те, кто хочет «присвоить» победу, оплаченную кровью миллионов, не брезгуя при этом никакими пропагандистскими методами. Роль Советской Армии и советского народа в победе над врагом пытаются извратить, их немаловажный вклад в разгром гитлеризма свести до минимума.

В дни войны все прекрасно сознавали, кто враг и кто друг, кто сделал решающий вклад и кто уклонился от этого. Тогда никому не приходило в голову отрицать, что Сталинградская битва была поворотным пунктом войны, что героическое сопротивление ленинградцев сковывало гитлеровскую военную машину, что защитники Москвы отбили первое германское наступление 1941 года.

Все это и многое другое было в те дни очевидным. Свидетелями неопровержимых фактов были миллионы.

Нет, не снег, не болота, не бездорожье одержали эту победу. Гитлера сокрушило новое общество, люди нового типа, верившие в новые идеалы. Сам Гитлер, которого на Западе кое-кто пытается, даже с известной утонченностью, представить «маньяком», обладавшим демоническим даром воздействия на толпу, загипнотизировавшим «миролюбивую и безвольную Германию» и пославшим ее на бойню, «маньяком со сворой бешеных собак», был в действительности крайним олицетворением германского империализма. Его появление не было случайным, власть Гитлеру сознательно вручили те, кто нуждался в «сильном человеке» для спасения своего класса путем любой, самой преступной авантюры.

Основной целью германских империалистов, приведших к неограниченной власти Гитлера и его партию, был раскол немецкого рабочего класса и в первую очередь уничтожение его передового отряда — Коммунистической партии Германии.

Следующей целью был «дранг нах Остен», уничтожение навсегда государства, созданного в 1917 году рабочим классом России под руководством Ленина; государства, существование которого было бельмом на глазу для всех империалистов, страшившихся не пушек и самолетов, а каждой новой плотины, возведенной русскими рабочими, каждой проложенной ими дороги, каждой больницы, каждого жилого дома.

«Необходимость» уничтожить советский социалистический строй была тем более «насущной», что этот строй одерживал новые и новые победы, доказывал свою жизнеспособность. Мировой империализм никогда не мог смириться с существованием этого строя, являвшего собой живой пример для трудящихся всей земли. Потерпев неудачу в 1941—1945 годах, мировой империализм уже шел к поражению в Корее и еще более тяжелому — во Вьетнаме. Сейчас уже невозможно отрицать, что социализм стал постоянным фактором, строем, который нельзя уничтожить, а значит — с ним нужно сосуществовать.

Это важная истина, с осознанием которой связано все будущее человечества. И именно для того, чтобы помешать человечеству прийти к этому будущему, силы прошлого пытаются перетолковать историю.

Именно те несгибаемые воины, которые нанесли врагу сокрушительный удар в городе на Волге, уже считавшемся в Берлине «взятым», проложили путь к будущим победам всех угнетенных на земле — победам корейского, вьетнамского, африканских и, хотя кое-кто хотел бы отрицать это, китайского народов.

То, что свершили эти воины и миллионы других советских людей, навсегда войдет в историю. Это должен понять весь мир с тем, чтобы человечество обрело уверенность: с новыми войнами покончено навсегда. За это стоит бороться сегодня — через тридцать лет, минувших с того дня, когда в Европе замолчали орудия.

Филип Боноски родился в 1916 году в штате Пенсильвания в семье рабочего. Известный американский писатель и публицист, автор ряда романов о жизни рабочего класса США.

9 МАЯ 1975 ГОДА

СЕВАСТОПОЛЬ ▲

НОВОРОССИЙСК ▲

КЕРЧЬ ▼

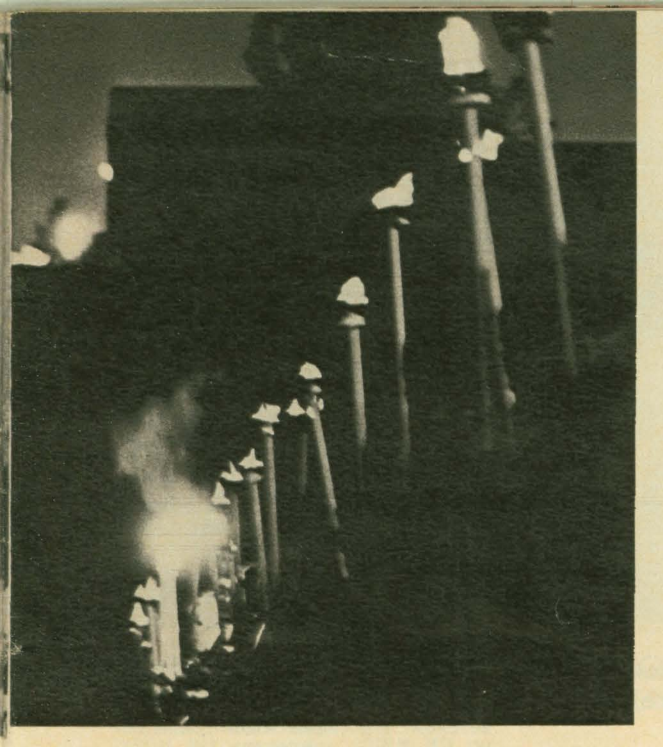

Фото Л. Шерстенникова.

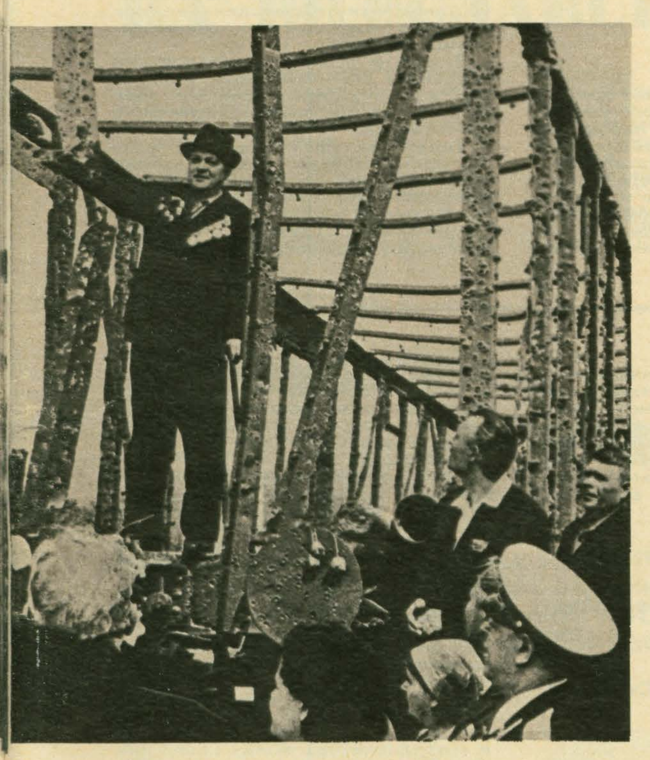

Фото Б. Кузьмина.

Фото Ю. Ильенко (ТАСС).

Кадр из фильма «Память навсегда».
Л. И. Брежнев среди офицеров «Малой земли».

ГЕРОИ КАВКАЗА

Полнометражную ленту «Память навсегда», созданную сценаристом и режиссером Д. Фирсовой (консультанты В. Голиков, В. Морозов, В. Муратов) на Центральной студии документальных фильмов, просмотрели уже сотни тысяч зрителей.

Очень своевременно вышла эта картина накануне праздника Победы. Вышла с волнующим рассказом об одном из самых напряженных участков фронта и стратегически важных сражений Великой Отечественной войны,— битве за Кавказ.

Внимание зрителей с первых же минут оказывается захваченным драматичными, необыкновенно выразительными и яркими кадрами, чьим «постановщиком» явилась сама действительность — сама война. Непридуманные ее события, запечатленные советскими кинематографистами, участниками войны, предстали перед зрителем не как хроника, а как живое массовое действие, покоряющее цельное в главном: в единстве героических свершений советских воинов, всего народа, борющегося за освобождение Родины.

Образы солдат, офицеров и политработников, направляющих и организующих эту борьбу, предстают здесь масштабно. Мы видим их во всем величии ратного подвига. И одновременно они сохраняют ту свободу поведения, ту непосредственность момента, который захватил их в кинокадре как бы даже врасплох, вовсе не подготовленными к этой съемке. Иногда даже странно удивительным кажется видеть спокойствие этих людей, их улыбки, их манеру держаться, полную достоинства... «Здесь почти каждый человек — герой»,— писал о защитниках «Малой земли» Л. И. Брежнев, начальник политотдела 18-й армии. Он и сам был постоянно среди них.

После провала фашистского блицкрига битва на Волге и битва за Кавказ намечались в качестве решающих участков для нового удара войск Гитлера: кавказский нефтеносный район был нужен фюреру как хлеб и как воздух. Но гитлеровцы и тут просчитались. Героические оборонительные бои наших войск переходят на Кавказе в наступательные сражения Новороссийско-Таманской операции, поддержанные силами Большой земли.

Наступательный дух советских воинов, сражавшихся за Кавказ, их боевую мощь стратегически организуют, мудро и бережно направляют руководящие работники армии, теснейше спаянные с фронтовиками-героями, и сами герои. Напряженная повседневная их работа тоже показана в фильме: мы ее видим, она всем нам понятна. Глядя на эти кадры сегодня, через тридцать лет после победы над германским фашизмом, мы снова испытываем волнение невыразимое.

Современники приносят великую благодарность подвигу воинов, отстоявших Кавказ. И, конечно, подвигу кинодокументалистов, чьим мужеством созданы эти бесценные кадры, собранные ныне в фильме «Память навсегда».

В нем правда бессмертного подвига. Правда героики.

Прага. Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак и глава партийно-правительственной делегации СССР член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко беседуют с бригадиром Пражского домостроительного комбината Рудольфом Гознауэром.

Фото В. Егорова (ТАСС).

ПРАЗДНУЕМ ВМЕСТЕ

Прага. 7 мая здесь, во Владиславском зале Пражского Града, состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПЧ, Центрального комитета Национального фронта ЧССР, Федерального собрания ЧССР и правительства республики, посвященное 30-летию Победы над фашизмом и 30-летию освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.

Выступивший с речью Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак обратился с теплыми словами приветствия к присутствовавшей на заседании партийно-правительственной делегации СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС товарищем А. П. Кириленко. «...Мы приветствуем сегодня советских коммунистов, весь советский народ, его героическую армию, которая принесла нам свободу,— сказал товарищ Г. Гусак.—...С нашего торжественного заседания мы шлем горячий привет Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу, который в рядах Советской Армии лично участвовал в освобождении нашей страны».

С речью на торжественном заседании выступил также глава партийно-правительственной делегации СССР А. П. Кириленко. Он вручил товарищу Г. Гусаку приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

Во время пребывания в Чехословакии глава партийно-правительственной делегации СССР А. П. Кириленко вручил Союзу чехословацко-советской дружбы орден Дружбы народов, которым его наградил Президиум Верховного Совета СССР за большие заслуги в укреплении и развитии дружбы и сотрудничества между народами ЧССР и СССР.

Глава партийно-правительственной делегации СССР А. П. Кириленко вручил Генеральному секретарю ЦК КПЧ Г. Гусаку и другим чехословацким руководителям юбилейные медали «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

8 мая в ЦК КПЧ состоялась встреча руководителей Коммунистической партии Чехословакии с партийно-правительственной делегацией СССР. Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак и глава советской делегации член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко обменялись информацией о деятельности КПЧ и КПСС, о жизни и труде народов ЧССР и СССР. Состоялся также обмен мнениями по некоторым международным вопросам. Встреча прошла в сердечной, дружеской обстановке и подтвердила полное единство взглядов по обсуждавшимся вопросам.

9 мая в столице Чехословакии состоялся военный парад и манифестация пражан. Вечером небо Праги озарили огни праздничного фейерверка.

Торжества по случаю 30-летия праздника Победы и освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков прошли под лозунгами труда, мира, нерушимого интернационального единства народов, строящих социализм.

В ЕДИНОМ СТРОЮ

Как большой всенародный праздник отметили трудящиеся Германской Демократической Республики 30-ю годовщину освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма.

В новую волнующую манифестацию нерушимой дружбы между народами немецкого социалистического государства и Советского Союза вылилось состоявшееся 7 мая в Берлине торжественное заседание ЦК СЕПГ, Государственного совета и Совета Министров ГДР, посвященное знаменательной дате.

С речью на заседании выступил Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер. Тепло встретили присутствовавшие речь главы советской партийно-правительственной делегации члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Ф. Д. Кулакова. Под горячие аплодисменты товарищ Ф. Д. Кулаков передал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Центральному Комитету СЕПГ, Государственному совету ГДР, Совету Министров ГДР по случаю 30-летия освобождения немецкого народа от фашизма. В нем говорится: «Нерушимый союз между СССР и ГДР является великим завоеванием наших народов. Советские коммунисты, советские люди будут и впредь делать все, чтобы отношения братской дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и социалистическим немецким государством росли и крепли на благо нашего общего дела».

В тот же день глава советской партийно-правительственной делегации товарищ Ф. Д. Кулаков от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил юбилейные медали «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» Первому секретарю ЦК СЕПГ Э. Хонеккеру, Председателю Государственного совета ГДР В. Штофу, Председателю Совета Министров ГДР Х. Зиндерману и другим видным деятелям СЕПГ, ветеранам немецкого рабочего движения.

Вечером в Трептов-парке состоялся митинг молодежи. Юное поколение республики дало клятву верности заветам павших советских героев, борцов-антифашистов.

8 мая в советском посольстве состоялась торжественная церемония вручения ордена Дружбы народов лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», ветерану антифашистского движения Эрнсту Бушу. Награду вручил посол СССР в ГДР П. А. Абрасимов. На церемонии вручения присутствовали члены Политбюро, секретари ЦК СЕПГ К. Хагер и В. Ламберц.

Празднование 30-летия освобождения немецкого народа от фашизма прошло в ГДР в обстановке большого политического подъема.

Берлин. Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер и глава советской партийно-правительственной делегации член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков.

Фото С. Смирнова.

Белград. Во время встречи президента СФРЮ, Председателя СКЮ И. Броз Тито с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

Фото В. Зуфарова (ТАСС).

НА ЮГОСЛАВСКОЙ ЗЕМЛЕ

30-летие Победы над фашизмом для народов Югославии — большой и светлый праздник. Победный май сорок пятого принес стране свободу и славу.

Во всенародных торжествах, посвященных великому празднику, приняла участие партийно-государственная делегация СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

8 мая товарищ К. Т. Мазуров встретился с председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ, членом Президиума ЦК СКЮ Д. Биедичем и передал от имени ЦК КПСС и лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, всех советских людей сердечные приветствия и поздравления по случаю знаменательной даты руководителям СФРЮ и СКЮ, всем югославским коммунистам, ветеранам антифашистской борьбы, братским народам Югославии.

Состоялась также встреча советской делегации с председателем союзного комитета союза объединений борцов народно-освободительной войны Югославии, членом ЦК СКЮ генералом армии К. Надем.

Товарищ К. Т. Мазуров передал ветеранам народно-освободительной войны братские поздравления по случаю юбилея. Советские люди, сказал он, хорошо знают, сколь велики были жертвы югославского народа, сколь значителен его вклад в дело разгрома фашизма.

9 мая в Белграде состоялся военный парад. На трибунах вместе с президентом Югославии маршалом Иосипом Броз Тито находился глава советской партийно-государственной делегации К. Т. Мазуров, зарубежные гости, руководители Союза коммунистов Югославии и правительства страны, герои народно-освободительной борьбы.

10 мая президент СФРЮ, Председатель СКЮ И. Броз Тито принял члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазурова. Состоялась продолжительная беседа, протекавшая в атмосфере дружбы и сердечности. По окончании беседы И. Броз Тито было передано приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по случаю знаменательной даты и вручена юбилейная медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», за что он выразил горячую благодарность ЦК КПСС.

ТОРЖЕСТВА В МОНГОЛИИ

Улан-Батор. Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал, партийно-правительственная делегация СССР во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Д. Ф. Устиновым во время осмотра выставки «30 лет великой Победы».

Фото А. Стужина (ТАСС).

Тепло, по-братски встречала народная Монголия партийно-правительственную делегацию СССР во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС товарищем Д. Ф. Устиновым, которая принимала участие в праздниствах, посвященных 30-й годовщине исторической Победы.

Этой дате было посвящено торжественное заседание в Улан-Баторе 6 мая. С докладом «Великий праздник прогрессивного человечества» выступил Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР товарищ Ю. Цеденбал.

Он отметил, что всемирно-историческая победа над фашистскими агрессорами принесла спасение всем народам мира от смертельной угрозы фашистского порабощения и что в течение прошедших тридцати лет она приумножает и углубляет бессмертное дело Великого Октября.

Глава партийно-правительственной делегации СССР товарищ Д. Ф. Устинов, выступивший с речью на торжественном заседании, передал монгольскому народу горячие поздравления Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и всего советского народа по случаю 30-летия Победы над фашизмом.

6 мая товарищ Д. Ф. Устинов по поручению Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и правительства СССР вручил партийным и государственным руководителям МНР юбилейные медали «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Партийно-правительственная делегация СССР во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС товарищем Д. Ф. Устиновым нанесла визит Первому секретарю ЦК МНРП, Председателю Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалу.

В беседе, прошедшей в теплой, сердечной обстановке, приняли участие член Политбюро ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ж. Батмунх, другие руководители партии и правительства МНР.

их назвал народ

МЫ-СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Иван Иосифович говорил недолго и ни словом не вспомнил то страшное лето сорок первого года, когда он прятал от немцев семью Ваньковича — Романа, двух его сестренок и мать, Констанцию Иосифовну. Отец Романа Леопольд Ванькович был первым председателем сельсовета в Деревном. Его избрали в тридцать девятом. А в сорок первом в Деревное пришли гитлеровцы. Председателя сельсовета тут же арестовали и расстреляли в леске за селом.

Тогда-то Иван Иосифович Шумчик и спрятал у себя семью Ваньковича. Круговины — деревенька маленькая, лесная. И там у Шумчика Констанция Иосифовна с детишками чувствовали себя более или менее безопасно. И уцелели.

А теперь, тридцать с лишним лет спустя, на предвыборном собрании в Деревном Иван Иосифович выступил и предложил избрать Романа Ваньковича в депутаты Верховного Совета Белорусской ССР. Объяснил, что рассказывать про Романа вряд ли нужно. Все знают — лучший механизатор колхоза. Коммунист. Герой Социалистического Труда. А Роман слушал Шумчика и думал, как, в сущности, просто и умно устраивается жизнь, когда люди живут одной крепкой семьей. Шумчик в войну очень помог ему. А позже помог овладеть мастерством. Председатель колхоза Федор Иванович Черников, будучи еще директором здешней школы, учил Романа. Потом взял его в колхоз трактористом, а через некоторое время доверил звено. Теперь они назвали его кандидатом в депутаты Верховного Совета республики, верят, что там нужны именно такие, как Роман. Собрание поддержало кандидатуру.

...К трактору он потянулся с малолетства. Сперва просто как к диковинной машине, из уважения к огромной ее силе. И еще потому, что верил: с ней интересно и надежно. После семилетки поступил в сельское профтехучилище. И до армии работал трактористом и после армии.

С делом справлялся, достаточно зарабатывал, пользовался уважением. Но чем дальше, тем острее чувствовал неудовлетворенность. Наконец понял, в чем дело: механизатор он, может, и грамотный, а вот земледелец... Знать машину мало. Надо знать землю, знать науку о ее плодородии. Тогда откроется все, что необходимо человеку, посвятившему себя крестьянскому труду.

Он пришел в школу и попросил учебники для восьмого класса. Окончил восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый. Получил аттестат и отвез его в сельскохозяйственный техникум вместе с заявлением: «Хочу получить специальность агронома...»

Механизированное звено по возделыванию картофеля ему доверили без колебаний. За ним стояли опыт и желание работать по-новому, то есть отвечать за поле с на-

в честь 30-летия победы

СЕРЕБРЯНОЕ

Здравствуй, Тында! С тобой мы не виделись ровно год. Что изменилось в твоей судьбе? Те же суровые окрестности, тот же воздух, хранящий запах хвои. Только вот... Помнишь, при первой встрече мы говорили с тобой о новой жизни, пришедшей сюда со строителями БАМа. Зажглись в твоих домах, Тында, голубые экраны телевизоров, получила ты огромную чашу «Орбиты».

Сегодня Тында в праздничном наряде вышла на стальную орбиту Байкало-Амурской магистрали, на перекресток Амурско-Якутской автотрассы и только что рожденного Малого БАМа. Малый БАМ — так называют линию Бам — Тында — один из главных пусковых объектов пятилетки.

8 мая, в 14 часов 45 минут, начальник управления «БАМстройпуть» В. И. Мокровицкий отдал команду: «Производителям работ приступить к укладке последнего, «серебряного» звена на участке Бам — Тында». Победители соревнования за право укладки последнего звена под руководством бригады Григория Гуреева приступили к привычному делу. И вот забит в шпалу серебряный костыль. Линия, связывающая Транссиб с БАМом, открыта.

Год назад мы проехали с Валентином Иннокентьевичем Мокровицким по местам будущей железной дороги. Тогда еще и он, Мокровицкий, не знал, что через год здесь будут рельсы. Во всяком случае, не говорил об этом. Да и вряд ли кто тогда мог поверить, что магистраль придет в Тынду на пять месяцев раньше срока. А она пришла. Свое обязательство — привести первый рабочий поезд к 30-летию Победы — строители выполнили. Сдержала свое слово и комсомольско-молодежная бригада Г. И. Глущенко: в срок сдан мост на 60-м километре. Это один из самых тяжелых и сложных объектов.

В жгучие морозы, на пронизывающих ветрах работали мостовики. За тридцать дней бригада выкопала почти вручную котлован под опоры глубиной в одиннадцать метров.

Трудными, очень трудными были 178 километров... Путь строителям преграждали горные кряжи. Казался непреодолимой преградой Янканский хребет. Но буровзрывники его одолели.

Открытие железнодорожного движения в Тынду — новый этап на строительстве магистрали. Уже первый поезд доставил ценные строительные грузы...

На линии Бам — Тында горит зеленый свет!

В. КУЗНЕЦОВ, специальный корреспондент «Огонька». Фото автора.

Идет укладка серебряного звена.

РАСЦВЕТ СПОРТИВНЫХ ТАЛАНТОВ

10 мая — 9 августа. Такова дистанция финальных соревнований VI летней Спартакиады народов СССР, посвященной 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

10 мая Спартакиада торжественно открылась на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве, но старт ее фактически был дан еще 18 марта в Ташкенте, где первыми начали борьбу сильнейшие боксеры. Теперь вся страна на три месяца станет огромной спортивной ареной. Соревнования будут проходить во всех столицах союзных республик, а также в Ленинграде и Каунасе. В программе Спартакиады 26 видов спорта.

Такого поистине сверхолимпийского размаха Спартакиада народов СССР еще никогда не достигала. А объясняется это тем, что спорт в нашей стране приобретает все более массовый характер, начинает играть все большую роль в жизни народа.

Об этом говорится в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, обращенном к участникам этих крупнейших соревнований и с большим подъемом встреченном всеми присутствующими на стадионе.

«Шестая Спартакиада народов СССР — важное событие в жизни нашей страны, подлинный смотр достижений советского физкультурного движения,— говорится в приветствии.— Она посвящена 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов и проходит под девизом «Готов к труду и обороне СССР». Спартакиада стала ярким свидетельством расцвета спортивных талантов всех братских народов Советского Союза. В соревнованиях уже приняло участие около 80 миллионов физкультурников и спортсменов».

Под звуки Гимна Советского Союза известные спортсмены страны подняли флаг Спартакиады. В спортивном параде приняли участие ветераны советского спорта, которые с оружием в руках защищали Родину в годы Великой Отечественной войны, чемпионы и рекордсмены СССР, Европы, мира, Олимпийских игр. На стадионе финишировала Всесоюзная звездная эстафета и был дан старт участникам сверхмарафонского пробега Москва — Варшава — Берлин.

В празднике приняли участие популярные артисты, выступали гимнасты, прыгуны на батуте, самбисты, фехтовальщики, акробаты.

Центральный стадион имени В. И. Ленина. 10 мая 1975 года.

Фото А. Бочинина.

чала до конца, чтобы проявить себя действительно хозяином земли и доказать свое умение обеспечивать не гектары, а зримое богатство, каким испокон веков определяется смысл крестьянского труда.

...Три трактора в звене. Более семидесяти гектаров картофельных плантаций. Трое трактористов. Кроме звена Ваньковича, картофель выращивают в колхозе «Красная звезда» еще два звена — Эдуарда Бербаша и Казимира Горкавского. Соревнуются. Чаще всего верх берет звено Ро́мана. Берет слаженностью в организации, прекрасным владением техникой, агрономической грамотностью. Звеньевой с дипломом агронома зимой точно рассчитает, когда внести компостированные удобрения, весной — когда вспахать, начать посадку. И поле подчиняется. Урожайность трех последних лет — 270—330 центнеров. В позапрошлом году за образцовый труд Роману Леопольдовичу Ваньковичу присвоили звание Героя Социалистического Труда.

...Цветут в Деревном яблони. Жадно вдыхает тепло обновленное пахарями поле. Молодой зеленью разлилась по заманчивым далям березовая поросль. Разгар весны. Горячая пора.

— Хотите в поле? — зовет председатель Федор Иванович.— Посмотрите, как работает Ванькович. Залюбуетесь! Борозды ведет, как чертежник по ватману. И первым в колхозе заканчивает посадку. Закончит, поедет помогать тем, у кого земля позднее поспевает.

Увидев нас, Ванькович останавливает трактор. Охотно вступает в разговор:

— Красиво? А как же! Посадишь вкривь-вкось, междурядную обработку как следует не сделаешь, особенно «слепую» («слепая» — это когда еще не появились всходы). А мы ее дважды делаем. От двух первых очень многое зависит, «спровоцируешь» сорняки — и вылезут они наружу. Тогда с ними бороться легче...

— Как депутат райсовета чем вы больше всего это время занимались?

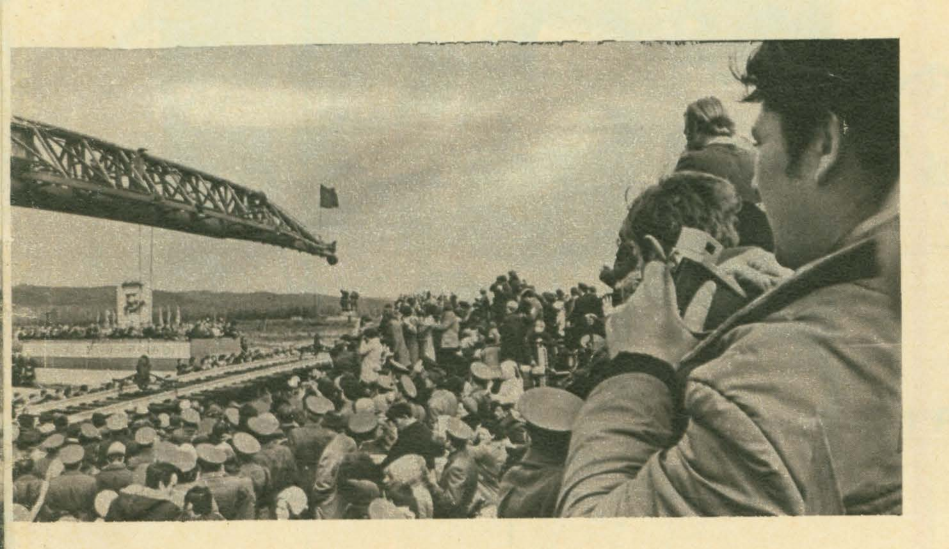
— Последнее время хлопотали в основном об инвалидах войны, о семьях погибших на фронте или в партизанах, в подполье... По-моему, это главный депутатский долг — заботиться о людях. Мы Советская власть!

«Мы Советская власть!» Я не стал уточнять, кого он имеет в виду,— отца, которого враги убили за то, что он был Советской властью, себя ли, депутата районного Совета, члена правления колхоза, члена партийного бюро. Уверен: всех, кому Советская власть дала право быть хозяевами на земле. Отвечать за нее перед прошлым и будущим.

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька».

Столбцовский район,
Белорусская ССР.

ЗВЕНО

Советские и венгерские воины во время совместных учений.

Фото А. Геринаса.

БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО

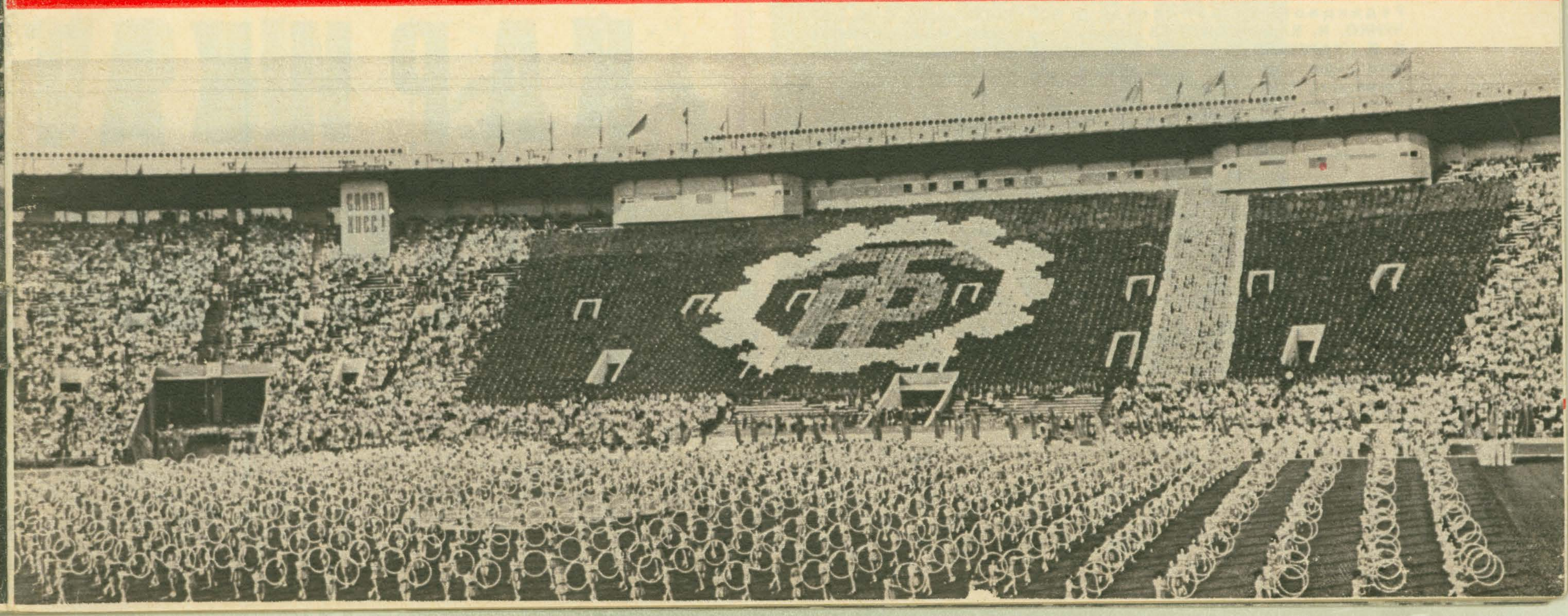
Советский народ и народы братских социалистических государств отметили в эти дни двадцатилетие Варшавского Договора, договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного между европейскими социалистическими странами 14 мая 1955 года.

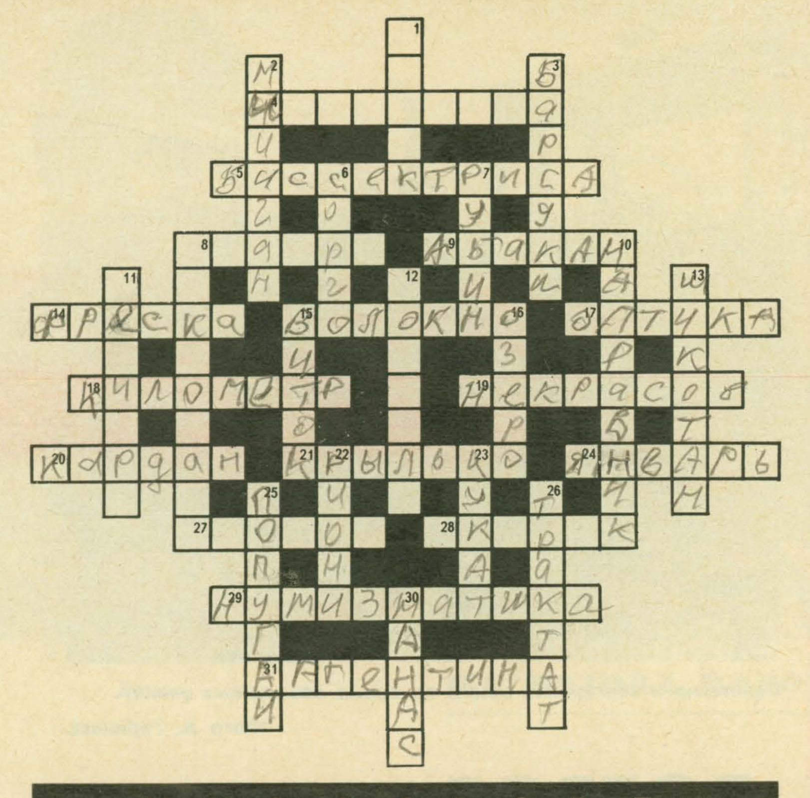
Варшавский Договор — союз социалистических государств во имя сохранения и упрочения мира — своими историческими и интернациональными корнями неразрывно связан с Победой советского народа и его героической Красной Армии в Великой Отечественной войне. Разгромив гитлеровские орды, посягнувшие на нашу священную Родину, Советский Союз с честью выполнил освободительную миссию в Европе и Азии, спас народы мира от угрозы фашистского порабощения.

За двадцать лет социалистическое содружество стран, входящих в Варшавский Договор, стало в политическом, экономическом и оборонном отношении могущественной и сплоченной организацией, ядром сил мира и прогресса, благодаря которым вот уже в течение тридцати лет мир огражден от нового военного столкновения.

Двадцатилетняя деятельность Варшавского Договора наглядно подтвердила силу и жизненность этого могучего союза социалистических государств, его огромную роль в дальнейшем развитии социалистических стран, дела защиты мира и предотвращения новой мировой войны.

Боевое братство, рожденное еще в период борьбы с фашизмом, с заключением Варшавского Договора переросло в военное сотрудничество союзных социалистических армий. Оно стало многосторонним, постоянным и охватывает практически все стороны деятельности вооруженных сил и все их звенья.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Цветок. 5. Прямая линия, делящая угол пополам. 8. Планета. 9. Приток Енисея. 14. Живопись красками по сырой штукатурке. 15. Непряденая нить. 17. Раздел физики. 18. Единица длины. 19. Великий русский поэт. 20. Подвижное соединение двух частей механизма. 21. Пристройка у входа в дом. 24. Месяц года. 27. Русский металлург. 28. Действующее лицо пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». 29. Наука о монетах. 30. Государство в Южной Америке.

По вертикали:

1. Вид графики. 2. Штат в США. 3. Роман Л. М. Леонова. 6. Злаковое растение. 7. Драгоценный камень. 8. Занимательная игра. 10. Автор оперы «Дубровский». 11. Порт в Марокко. 12. Рыба семейства карповых. 13. Самый большой остров в Малой Курильской гряде. 15. Оборот спирали. 16. Картина И. И. Левитана. 22. Река в Грузии. 23. Засахаренный плод. 25. Тропическая птица. 26. Научное сочинение. 30. Киргизский народный эпос.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

5. «Камаринская». 8. Дарасун. 9. Деление. 11. Козетта. 12. Тикси. 15. Регби. 18. Карасор. 21. Пластика. 22. «Литвинка». 23. Находка. 24. Сазан. 26. Саржа. 28. Скрипка. 33. Кольцов. 34. Плоешти. 35. Горихвостка.

По вертикали:

1. Батат. 2. Карузо. 3. Асбест. 4. Манеж. 6. Ларек. 7. Битюг. 10. Серафимович. 13. Иоканга. 14. Статика. 16. Ежевика. 17. Блиндаж. 19. Агама. 20. Орлик. 25. Залог. 27. Ртуть. 29. Кролик. 30. Кулиса. 31. «Льгов». 32. Белка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Парад Победы. Москва. Июнь 1945 года. Поверженные фашистские знамена на Красной площади.

Фото Е. Халдея

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Берлин, май 1945 года. В День Победы у Бранденбургских ворот.

Фото В. Гребнева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

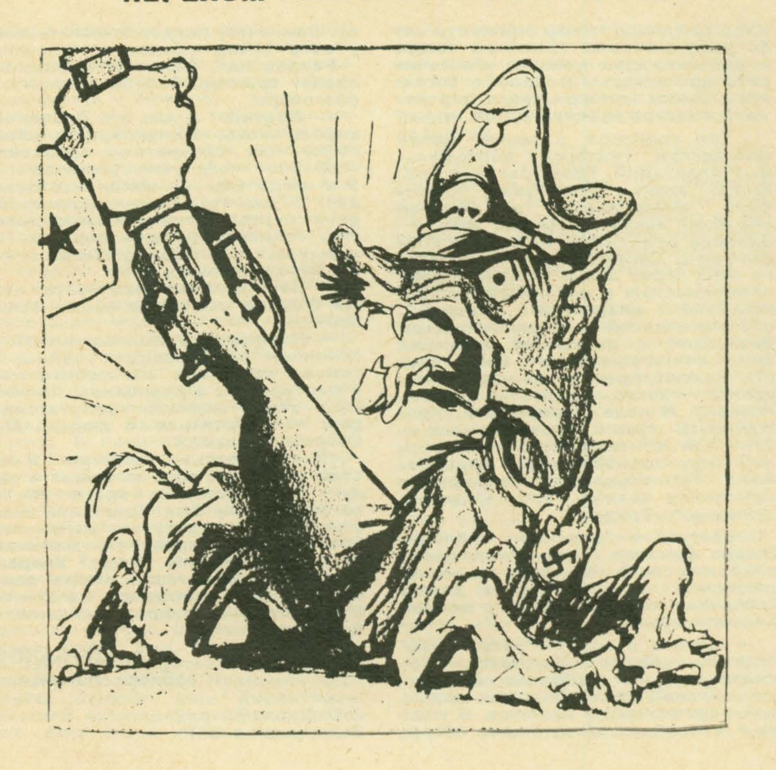
Оформление Е. М. КАЗАКОВА

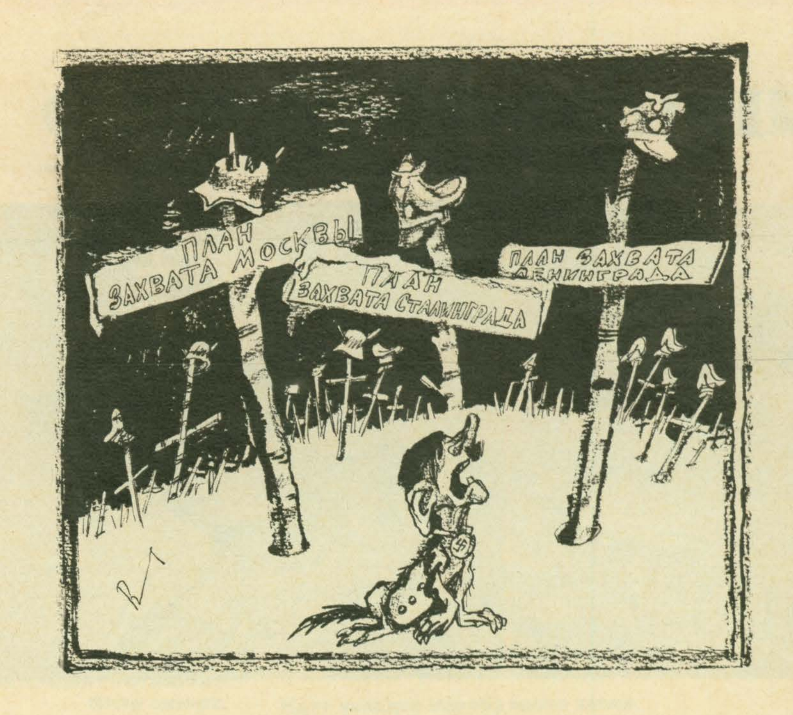
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/IV — 75 г. А 00577. Подп. к печ. 13/V — 75 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1240. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 513.

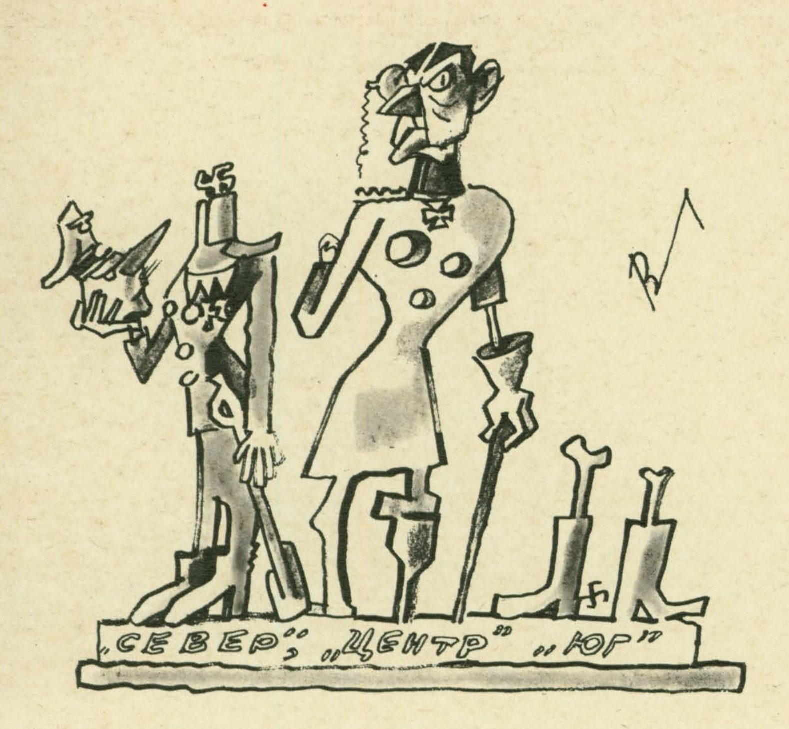
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

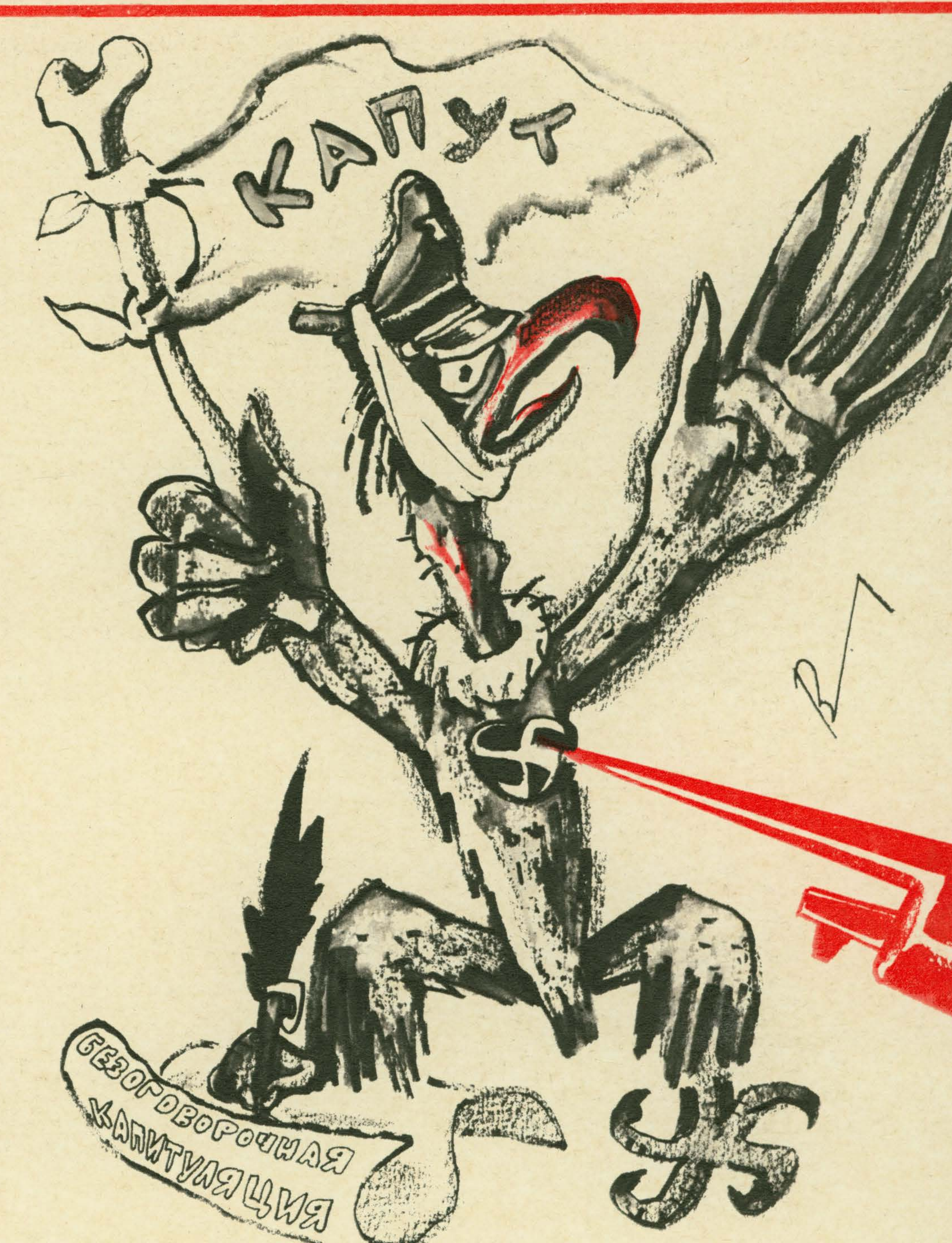
ПЕРЕЛОМ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

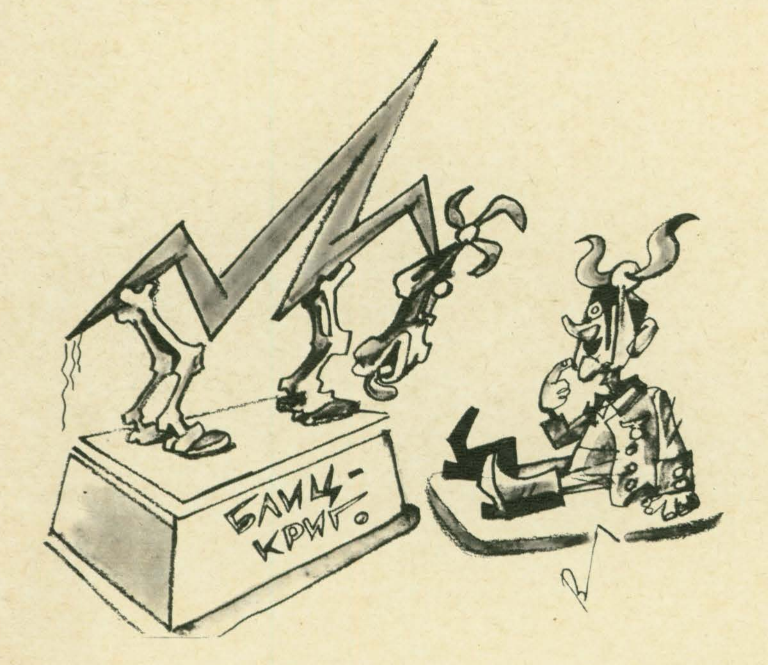

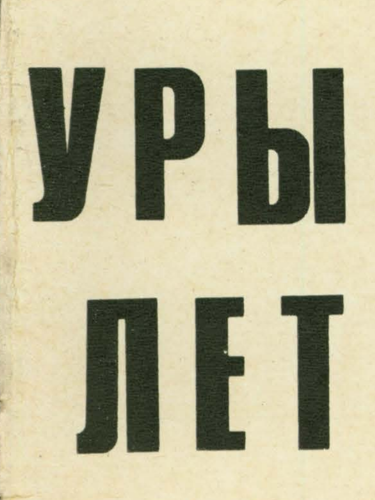
КАРИКАТ
ВОЕННЫХ

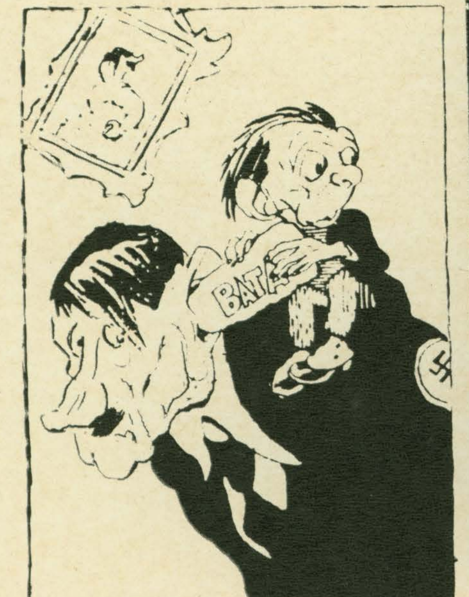

Рисунки Владимира ГАЛЬБЫ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663